

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE

1001392832

03117-3e37

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

Моюму любимому другу
Василию Уригорскому
Друзькину,
прощая судья Русской Геральдики истоща-
коватию,
въ знакъ неприменно раболѣпствія и
сервильнаго прираженности имъ
патриота и автора

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ 11го сентября 1884 г.

ВЕЛИКАГО НОВГОРОДА.

I. СЕНИГОВА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1884.

891.7
Se 57

38-36278

Изь Ж. М. Н. Пр. Июнь 1884 г.

1111 147
L
0

Основная задача предлагаемого изслѣдованія—опредѣлить время возникновенія первоначальной Новгородской лѣтописи. Но такъ какъ, по замѣчанію Срезневскаго, „вопросъ о томъ, какимъ временемъ начинались древнія лѣтописи о событіяхъ Новгородскихъ..... можетъ быть рѣшенъ только по предположеніямъ“¹⁾, то мы сочли возможнымъ лишь привести нѣсколько данныхъ и высказать нѣкоторыя соображенія, могущія подтвердить одни предположенія о началѣ Новгородской лѣтописи, и опровергнуть другія. Прежде однако, чѣмъ приступить къ разбору данныхъ Новгородскихъ и не Новгородскихъ лѣтописей касательно разсматриваемаго вопроса, считаемъ нужнымъ разсмотрѣть тѣ предположенія и мнѣнія о древности Новгородскихъ лѣтописей, какія были высказаны въ нашей исторической литературѣ.

Патріархъ русской исторической науки, В. Н. Татищевъ, въ своей „Исторіи Россійской“, говоря о Несторѣ, что этотъ лѣтописецъ „много древностей читалъ“ и составилъ свою лѣтопись „не со словъ, но съ какихъ-либо книгъ и писемъ“, указываетъ на лѣтопись Іоакима Новгородскаго, какъ на историческій памятникъ, доказывающій истинность того положенія, что „безсомнѣнно прежде Нестора и задолго писатели были“²⁾. Затѣмъ, „основываясь на томъ, что при описаніи введенія христіанства въ Новгородѣ, отрывокъ лѣтописи употребляетъ глаголъ въ первомъ лицѣ: „и егда придохомъ..... мы

¹⁾ И. И. Срезневскій. Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. *Извѣстія Акад. Наукъ по 2-му отд.*, т. II, стр. 20.

²⁾ Исторія Россійская, I, 7 и 29.

же стояхомъ на торговой странѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учухомъ люди елико можахомъ..... и тако пребыхомъ два дни нѣсколько сотъ креста“ (Исторія Россійская, т. I, стр. 39) и на припискѣ въ началѣ тетради: „святитель Іоакимъ написа“, Татищевъ признаетъ ея авторомъ перваго Новгородскаго епископа Іоакима¹⁾. И такъ, по мнѣнію Татищева, древнѣйшая, дошедшая до насъ лѣтопись есть лѣтопись, составленная въ Новгородѣ первымъ епископомъ Новгородскимъ Іоакимомъ, который умеръ въ 1030 году²⁾.

Вполнѣ сходно съ мнѣніемъ Татищева о древнемъ происхожденіи Іоакимовской лѣтописи мнѣніе П. А. Лавровскаго; въ своемъ „Исслѣдованіи о лѣтописи Якимовской“ онъ обращаетъ вниманіе на то мѣсто этого памятника, на которомъ Татищевъ основываетъ свое мнѣніе о его составителѣ, и приходитъ къ тому заключенію, что „кто бы ни былъ по имени и по званію авторъ второй половины лѣтописи Якимовской, былъ ли то епископъ Іоакимъ, или другой кто, но то, надѣмся, несомнѣнно, что онъ былъ близокъ къ эпохѣ, имъ описанной, и если не былъ современникомъ самъ крещенія Новгородцевъ, то зналъ о немъ отъ лицъ, бывшихъ тамъ или слышавшихъ отъ очевидцевъ“³⁾.

П. М. Строевъ, въ предисловіи къ „Софійскому Временнику“, указывая на то, что „честь перваго бытописателя русскаго принадлежитъ Нестору, монаху Кіевопечерскаго монастыря, жившему во второй половинѣ XI столѣтія“, замѣчаетъ, что хотя „нельзя отнять честь перваго лѣтописателя у сего Печерскаго инока, но нельзя также и отрицать совершенно, чтобы не было и другихъ, ему современныхъ. Въ Новгородѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, и иныхъ городахъ знатнѣйшихъ тогдашней Россіи были люди, безъ сомнѣнія, столь же любопытные, какъ и Несторъ“⁴⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію Строева, Новгородская лѣтопись могла существовать во второй половинѣ XI столѣтія; но была ли эта лѣтопись начальною, древнѣйшею Новгородскою лѣтописью, или уже однимъ изъ ея продолженій, никакихъ опредѣленныхъ соображеній о томъ у Строева не находимъ; на основаніи того мѣста предисловія къ „Софійскому Временнику“,

¹⁾ *Лавровскій*, Исслѣдованіе о лѣтописи Якимовской, стр. 82.

²⁾ «6538..... преставися пръвый архиепископъ Іакомъ Корсунянинъ въ Новгородѣ». П. С. Р. Л., т. XV, стр. 146.

³⁾ *Лавровскій*, Исслѣдованіе о лѣтописи Якимовскоѣ, стр. 82—83.

⁴⁾ Соф. Врем., изд. 1821 г., предисловіе, стр. VI и IX.

гдѣ говорится, что „богатство нашей исторіи заключается наиболѣе въ лѣтописяхъ, или историческихъ запискахъ, продолжающихся почти непрерывно черезъ девять (IX—XVII) столѣтій“¹⁾, можно только предполагать, что Новгородскую лѣтопись конца XI столѣтія Строевъ не считалъ за древнѣйшую, первоначальную.

М. П. Погодинъ, упоминая о краткихъ записяхъ, которыя, „вѣроятно, велись (въ Новгородѣ) и сохранились при церкви святыя Софіи“, прибавляетъ: „Можетъ быть, тотъ началъ ихъ вести, который по извѣстію, сохранившемуся въ Никоновской лѣтописи²⁾, подъ г. 1030, написалъ: „преставися Новгородской епископъ Авямъ, и баше ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаше³⁾“ (П. С. Р. Л., т. IX, 79). Изъ этого краткаго, но вѣрнаго замѣчанія можно заключить, что Погодинъ относилъ начало краткихъ записей новгородскихъ къ первой половинѣ XI столѣтія.

И. И. Срезневскій, составляя свое мнѣніе о времени возникновенія лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ, не имѣлъ подъ руками двухъ позднѣйшихъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи (Коммисіоннаго и Толстовскаго) и притомъ не обратилъ вниманія на извѣстіе о крещеніи Новгорода, которое, отсутствуя въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, имѣется во многихъ лѣтописяхъ позднѣйшаго происхожденія⁴⁾, а также на предисловіе Софійскаго Временника, которое сохранилось въ Толстовскомъ спискѣ I-й Новгородской лѣ-

¹⁾ Тамъ же, стр. V.

²⁾ Также въ Сое. I (П. С. Р. Л., V, стр. 136), въ Твер. (П. С. Р. Л., XV, стр. 146), въ Лѣтописи по Архивскому сборнику (Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 2), въ Краткомъ Лѣтописцѣ Новг. владыкъ (тамъ же, стр. 130).

³⁾ М. П. Погодинъ, Новгородскія лѣтописи. Изв. 2-го отд. Акад. Наукъ, т. VI, стр. 231.

⁴⁾ I-я Новгор. лѣт. по спискамъ Ком., Толст. и Акад. (последній—въ *Продолженіи Др. Рос. Визюмовки*, ч. II, стр. 340—311); Софійская I-я лѣт. (П. С. Р. Л., V, 121); Лѣтопись по сборнику Архивскому (Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 1 и 2); Краткій лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ (тамъ же, стр. 130); Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божиимъ (тамъ же, стр. 172—173); Архангелогородскій лѣтописецъ, стр. 34 (по изд. 1781 г.); Воскресенская лѣт. (П. С. Р. Л. VII, 313); Тверская лѣт. (П. С. Р. Л., XV, 114); Псковская I-я лѣт. (П. С. Р. Л., IV, 175); Никоновская лѣт. (П. С. Р. Л., IX, 63—64, 64—65); Супрал.—II, Русск. Врем. (1, 51—52)—указаніе на два послѣдніе источника взято изъ труда К. Н. Бестужева-Рюмина «О составѣ русскихъ лѣтописей», Прил. I, стр. 22.

тописи ¹⁾ и въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ (во всѣхъ спискахъ Соф. I-й лѣт.: П. С. Р. Л., V, 86—87, во всѣхъ спискахъ Воскр. лѣт.: П. С. Р. Л., VII, 266—267 и въ Тверской лѣт.: П. С. Р. Л., XV, 26—28). Поэтому, при всей своей замѣчательной наблюдательности, Срезневскій усумнился въ возможности когда-либо отыскать начало Новгородской лѣтописи ²⁾. Но высказывая такое сомнѣніе, и въ силу его не видя возможности разрѣшить „вопросъ, въ какое время начата была Новгородская лѣтопись въ первый разъ“, Срезневскій упомянулъ только, что „изъ числа новгородскихъ событій, замѣченныхъ въ лѣтописяхъ, есть нѣсколько не только изъ X вѣка, но и до X“, и на основаніи разсмотрѣнія этихъ извѣстій, сдѣлалъ слѣдующее предположеніе: „Нельзя не заключить, что лѣтописи Новгородскія начинались годами этого отдаленнаго времени и заключали въ себѣ не только краткія указанія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и кое-какія подробности“. Далѣе Срезневскій говоритъ, что „событія записывались въ Новгородѣ скоро послѣ того, какъ случились, не только въ XII вѣкѣ, но и въ XI и даже въ X“. Сопоставляя это послѣднее положеніе почтеннаго ученаго съ другими его заключеніями, а именно, „что въ одно и то же время ведены были русскія лѣтописи въ разныхъ мѣстахъ различныя“ ³⁾, „что древнѣйшія лѣтописи велись въ Новгородѣ и Кіевѣ“, и что „въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго были у насъ лѣтописцы“ ⁴⁾, мы видимъ, что существованіе первоначальной лѣтописи состоящей изъ погодныхъ замѣтокъ, „безжизненныхъ по изложенію, безсвязныхъ по взаимному соотношенію“ ⁵⁾, Срезневскій допускалъ въ

¹⁾ Погодинъ въ своемъ превосходномъ трудѣ «Новгородскія лѣтописи» (*Изв. Акад. Наукъ, по 2-му отд.*, т. VI, стр. 219—220), упоминая о началѣ Новгородскаго лѣтописнаго свода, говоритъ, что то начало, которое «сохранилось въ Толстовскомъ спискѣ..... было и въ прочихъ (то-есть, въ Синодальномъ, Академическомъ; Коммисіоннаго списка Погодинъ не имѣлъ подъ руками). Нѣтъ никакого права предполагать, что этого начала тамъ не было».

²⁾ «Такъ первые 120 листовъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ лѣтописей Русскихъ утрачены на всегда. Одного и, можетъ быть, самого важнаго пособія для рѣшенія вопроса о содержаніи древнѣйшаго періода Новгородскихъ лѣтописей нѣтъ и, какъ кажется, послѣ тщательныхъ изысканій Я. И. Берединова, нѣтъ навсегда» (*Срезневскій, Исследования о лѣтописяхъ Новгородскихъ. Изв. Акад. Наукъ по 2-му отд.*, т. II, стр. 20).

³⁾ Тамъ же, стр. 23.

⁴⁾ *И. И. Срезневскій, Памятники X-го вѣка до Владиміра Святаго. Изв. Акад. Наукъ по 2-му отд.*, т. III, стр. 63 и 66.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 52.

Новгородъ и въ Киевѣ одновременно, въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго.

С. М. Соловьевъ полагалъ, что начальная Новгородская лѣтопись возникла „единовременно съ начальною южною или Киевскою лѣтописью, и замѣтилъ, что „на основаніи извѣстія (о смерти Новгородскаго епископа Іоакима) мы имѣемъ полное право отнести составленіе Новгородской начальной лѣтописи къ XI вѣку“¹⁾.

Весьма сходно съ мнѣніемъ Соловьева мнѣніе пресв. Филарета, который, указавъ на то, что „въ Новгородской лѣтописи подъ 1030 г. читается: „и бѣше ученикъ его Ефрѣмъ, иже ны учаше“, полагалъ на основаніи этихъ словъ, что „старшій Новгородскій лѣтописецъ былъ одинъ изъ учениковъ блаженнаго Ефрема“²⁾. Упомянувъ затѣмъ о лѣтописи Іоакимовой, Филаретъ замѣчаетъ, что „близость ученика Ефремова къ епископу Іоакимову сама по себѣ указываетъ на вѣроятность того, что въ Іоакимовой лѣтописи сохранилось многое изъ записокъ ученика Ефремова“; но въ заключеніе своего отзыва о древнѣйшей Новгородской лѣтописи Филаретъ говоритъ, что „къ сожалѣнію, при нынѣшнемъ видѣ Іоакимовой лѣтописи, какъ и другихъ Новгородскихъ лѣтописей, остается довольствоваться только предположеніями и догадками“³⁾.

Н. И. Костомаровъ въ своихъ „Лекціяхъ по русской исторіи“ обратилъ вниманіе на очевидные признаки современности лѣтописца событію, описываемому въ I-й Новгородской лѣтописи подъ г. 1136⁴⁾ (это событіе означено точно по днямъ), а также на распространенную форму изложенія, и потому замѣтилъ: „Кажется достовѣрнымъ, что именно съ этого времени начинается собственно Новгородская лѣтопись. Тутъ лѣтописецъ начинаетъ непрерывную исторію, а все, что внесено въ лѣтопись прежде этого событія, взято или изъ церковныхъ замѣтокъ, или изъ особыхъ записокъ, писанныхъ не для того, чтобы предать памяти прошлыя событія, а для особыхъ цѣлей“⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ того же изслѣдованія г. Костомаровъ, указывая на драгоценное для насъ упоминаніе о существованіи въ Новгородѣ древнихъ лѣтописей, имѣющагося въ одной позднѣйшей лѣтописи

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, III, стр. 119 и 121 (по изд. 1857).

²⁾ Филаретъ, Обзоръ русской духовной литературы, стр. 15.

³⁾ Тамъ же, стр. 16.

⁴⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 7.

⁵⁾ Н. И. Костомаровъ, Лекціи по русской исторіи, стр. 63.

новгородскаго происхожденія ¹⁾, говоритъ, что „извѣстiе это подтверждаетъ для насъ существованiе древнихъ лѣтописцевъ новгородскихъ и вѣрно въ старину ихъ было много, когда говорится о нихъ во множественномъ числѣ ²⁾“.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ своемъ превосходномъ трудѣ „О составѣ русскихъ лѣтописей“, подобно Срезневскому, относитъ существованiе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ къ X вѣку до Владимiра Святаго; такъ, по мнѣнiю г. Бестужева-Рюмина, извѣстiе „о поѣздкѣ Ольги въ Новгородъ и о знаменiяхъ ея въ той землѣ“ ³⁾ записано, вѣроятно, въ Новгородѣ; извѣстiе о приходѣ Новгородцевъ проситъ князя у Святослава едва ли не новгородскаго происхожденiя: „аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ“ ⁴⁾ напоминаетъ новгородскую гордость; сжатая форма разговора—если только на этомъ можно основываться—такъ и просится въ Новгородскую лѣтопись; но самое важное то, что Кiевлянина едва ли могли заинтересовать эти подробности“. „Походъ на Болгаръ 6493 г., судя по первенствующей роли Добрыни: „сглядахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ“ ⁵⁾ также могъ быть записанъ въ Новгородѣ“ ⁶⁾. Въ другомъ мѣстѣ того же изслѣдованiя ⁷⁾ г. Бестужевъ-Рюминъ замѣчаетъ еще, что лѣтописанiе въ Новгородѣ началось рано, такъ какъ еще подъ г. 6538 мы читаемъ въ нѣсколькихъ лѣтописныхъ сборникахъ: „преставися архіепископъ Акимъ Новгородскій, и быше ученикъ его Ефремъ иже ны учаше“. И такъ, существованiе лѣтописныхъ записей въ Великомъ Новгородѣ г. Бестужевъ-Рюминъ полагаетъ возможнымъ отнести къ X вѣку до Владимiра Святаго, при чемъ, вмѣстѣ съ Погодинымъ, пресв. Филаре-

¹⁾ Въ Лѣтописи по Архивскому сборнику подъ г. 6929 (1421): «Того же лѣта бысть вода вельми велика на Волховѣ, и снесе 20 городенъ великого мосту, мѣсяца априля 21. Слышахомъ отъ древнихъ повѣдающе писанiе, паче же извѣстно увѣдахомъ прочитающе старыи лѣтописци, о ноществiи водномъ, еже бысть въ Великомъ Новгородѣ въ древняя лѣта» (Новгородскiя лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 46).

²⁾ Н. И. Костомаровъ, Лекцiи по русской исторiи, стр. 68.

³⁾ Лѣтопись по списку Лаврентiя, 58—59; всеъ цитаты изъ этой лѣтописи приводятся мною по изданiю 1872 г.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 67—68.

⁵⁾ Лѣтопись по списку Лаврентiя, стр. 82.

⁶⁾ Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 49—50.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 62.

томъ и Соловьевымъ, обращаетъ вниманіе на временной характеръ 6538 г. о епископѣ Ефремѣ.

Затѣмъ г. Разсудовъ, въ статьѣ „Нѣсколько словъ по вопросу о первыхъ русскихъ лѣтописцахъ“¹⁾, вполне соглашаясь съ мнѣніемъ г. Лавровскаго относительно подлинности Иоакимовской лѣтописи, говоритъ, что „спеціальное изслѣдованіе по этому предмету г. Лавровскаго показало довольно ясно, что только первая половина этой лѣтописи (то-есть, Иоакимовской) подложна и составлена въ гораздо позднѣйшее время; подлинность же второй половины Иоакимовской лѣтописи доказывается главнымъ образомъ тѣмъ, что чрезъ сличеніе съ нею становятся совершенно понятными многія мѣста самой лѣтописи Нестора. За глубокую ея древность и вмѣстѣ за ея автора, какъ за современника и очевидца нѣкоторыхъ описываемыхъ имъ событій, говоритъ и извѣстное въ ней выраженіе: „мы же стояхомъ на торговой сторонѣ“²⁾ и т. д. За Иоакима, какъ автора сказанной лѣтописи, можетъ еще, по нашему мнѣнію, довольно сильно говорить и слѣдующее въ ней мѣсто: „посажа (Рюрикъ) по всѣмъ градомъ князи отъ Варягъ и Славянъ, самъ же проименовася князь великій, еже Греческіи Архикраторъ, или Василевсъ“³⁾. Подобное объясненіе могъ считать нужнымъ только Грекъ, и въ данномъ случаѣ, если не самъ Грекъ Иоакимъ, то кто нибудь изъ сопровождавшихъ его греческихъ и болгарскихъ священниковъ“⁴⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Разсудова, древнѣйшая Новгородская лѣтопись была составлена первымъ Новгородскимъ епископомъ Иоакимомъ. Но съ этимъ мнѣніемъ трудно, согласить другое мнѣніе того же изслѣдователя, а именно, что „лѣтопись Новгородская начала вестись, если не раньше, то во всякомъ случаѣ въ одно время съ Несторовою лѣтописью, въ концѣ XI в.“⁵⁾. Какимъ образомъ древне-новгородская лѣтопись, написанная, по мнѣнію г. Разсудова, Иоакимомъ, слѣдовательно, не позже 1030 года, могла быть современна съ Несторовою лѣтописью, составитель которой „долженъ былъ появиться не ранѣе второй половины XI вѣка“⁶⁾. Если же

¹⁾ *Московскія Университетскія Извѣстія*, 1868 г., № 9.

²⁾ *Татищевъ*, *Исторія Россійская*, т. I, стр. 39.

³⁾ Тамъ же, стр. 34.

⁴⁾ *Разсудовъ*, *Нѣсколько словъ по вопросу о первыхъ русскихъ лѣтописцахъ*. *Моск. Унив. Извѣстія*, 1868 г., стр. 769—770.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 769.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 759.

полагать, что лѣтопись Новгородская появилась раньше лѣтописи Кіевской, то возникаетъ недоумѣніе: какимъ это образомъ въ Кіевѣ, не смотря на болѣе раннее появленіе въ этомъ городѣ христіанства, чѣмъ въ Новгородѣ, возникли лѣтописныя записи позднѣе, чѣмъ въ Новгородѣ.

Г. Янишъ, авторъ изслѣдованія „Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки“, также замѣчаетъ, что „за исключеніемъ Руси Кіевской, Новгородъ есть та единственная старая Русская земля, что несомнѣнно завѣщала потомству самостоятельныя лѣтописныя памятники, которые, въ ихъ большинствѣ, захватываютъ, какъ сдается при бѣгломъ обзорѣ, самый древній періодъ русской исторіи“; въ другомъ мѣстѣ того же изслѣдованія г. Янишъ опять говоритъ, что „Новгородъ не могъ не имѣть своего древняго лѣтописанія, и лѣтописаніе это не могло не захватывать самыхъ древнихъ исконныхъ преданій Сѣверной Руси“¹⁾. Что касается времени возникновенія новгородскаго лѣтописанія, то у г. Яниша мы находимъ лишь слѣдующія неопредѣленныя указанія: „Тѣ краткія отмѣтки, коими открывається для насъ Синодальный списокъ, имѣютъ, по крайней мѣрѣ, ту цѣну, что намекаютъ на существованіе лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ въ XI вѣкѣ и въ началѣ XII; сверхъ того мы имѣемъ положительное свидѣтельство нѣкоторыхъ списковъ о весьма раннемъ началѣ Новгородскаго лѣтописанія, а одно изъ тѣхъ свидѣтельствъ восходитъ до поры, современной насажденію въ Сѣверной области христіанской вѣры“; кромѣ того, „указанія на еще болѣе древнее начало лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ видятъ не безъ основанія въ отмѣткѣ, помѣщенной подъ г. 6538 въ Новг. II лѣт. (П. С. Р. Л., т. III, стр. 12): „Преставися архіепископъ Акимъ Новгородскій, и баше ученикъ его Ефремъ, иже ны учае“. Слова эти могли быть первоначально записаны современникомъ Ефрема (около половины XI стол.)²⁾. Эта неопредѣленность въ указаніи на время появленія первоначальной Новгородской лѣтописи находится въ связи съ тѣмъ представленіемъ, какое имѣетъ г. Янишъ о содержаніи дошедшаго до насъ начала древнѣйшаго, такъ-называемаго Синодальнаго списка I-й Новгородской лѣтописи. Подобно Срезневскому, г. Янишъ сомнѣвается въ возможности отождествлять не дошедшее до насъ начало Новгородской лѣтописи съ началомъ Кіевской „Повѣсти

¹⁾ *Янишъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 18, 19.

²⁾ Тамъ же, стр. 60 и прим. 13 на стр. 92.

временныхъ лѣтъ“ и полагаетъ, что въ начальныхъ тетрадахъ Синодального списка утратился не какой-нибудь клочекъ Киевской „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, а самостоятельная Новгородская начальная лѣтопись и, вмѣстѣ съ нею, значительное количество мѣстныхъ извѣстій и преданій о древнихъ судьбахъ Новгорода и объ отношеніяхъ его къ остальной Руси“ ¹⁾. Признавая невозможнымъ восстановление недошедшаго до насъ начала древнѣйшей Новгородской лѣтописи „въ желаемой цѣльности и полнотѣ“, г. Янишъ долженъ былъ ограничиться лишь неопредѣленными указаніями на время возникновенія первыхъ лѣтописныхъ записей въ Великомъ Новгородѣ. „Новгородскія лѣтописи“, по его мнѣнію, „представляютъ одну изъ самыхъ странныхъ загадокъ Русскаго лѣтописанія“ ²⁾.

Представленный обзоръ мнѣній относительно времени возникновенія первоначальной Новгородской лѣтописи приводитъ насъ къ тому заключенію, что никто изъ нашихъ ученыхъ, занимавшихся изученіемъ древне-русскихъ лѣтописей, не сомнѣвался въ древности новгородскаго лѣтописанія, при чемъ одни изъ нихъ (Погодинъ, Филаретъ, Соловьевъ) относятъ начало Новгородской лѣтописи къ первой половинѣ XI вѣка, а другіе (Срезневскій и Бестужевъ-Рюминъ) полагаютъ возможнымъ существованіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго.

Взглянемъ теперь на тѣ лѣтописныя извѣстія, на которыхъ основываются предположенія о существованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго.

Извѣстія о поѣздкѣ Ольги въ Новгородъ и о знаменіяхъ ея въ той землѣ, о приходѣ Новгородцевъ просить князя у Святослава, о посаженіи въ Новгородѣ посадника Добрыни и поставленіи кумира надъ рѣкою Волховымъ, о походѣ Владиміра Святаго на Болгаръ 6493 (985) г. — вотъ тѣ извѣстія, которыя, по мнѣнію г. Бестужева-Рюмина, носятъ на себѣ болѣе или менѣе явные признаки новгородскаго происхожденія ³⁾. Разсмотримъ каждое изъ этихъ извѣстій въ отдѣльности.

Поѣздка Ольги въ Новгородъ и послѣдствія этой поѣздки ⁴⁾, конечно,

¹⁾ *Янишъ*, стр. 24.

²⁾ Тамъ же, стр. 20.

³⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 50.

⁴⁾ В лѣто 6455 (947), иде Вольга Новугороду, и устави по Мыѣтъ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани; и ловища ея суть по всей земли, знамяня и

могли обратить на себя вниманіе и древне-новгородскаго книжника; но для кого—спрашиваемъ—это событіе представляло большій интересъ: для лѣтописца ли южно-русскаго, который не упустилъ случая отмѣчать событія, могшія служить къ прославленію южно-русскихъ князей, или же для лѣтописца новгородскаго (если бы такой лѣтописецъ и существовалъ во времена Ольги), которому поѣздка Ольги въ Новгородъ и установленіе оброчовъ и дани едва ли могли казаться знаменательными событіями? Если бы, дѣйствительно, это событіе было достопамятнымъ для жителей Новгорода и было бы отмѣчено жившимъ въ этомъ городѣ лѣтописцемъ, то почему—спрашиваемъ—позднѣйшіе списатели Новгородской лѣтописи, составляя роспись южно-русскихъ князей, не сочли нужнымъ упомянуть княгиню Ольгу, а первымъ южно-русскимъ княземъ назвали Владимира Святаго? ¹⁾ Не оттого ли, что первый князь, который упоминался въ первоначальной Новгородской лѣтописи, былъ не кто другой, какъ Владимиръ, тотъ князь, благодаря которому „крестися.. вся земля Руская. И поставиша в Кіевѣ митрополита, а Новугороду архіепископа“ ²⁾. Кроме того, на южно-русское происхожденіе извѣстія о поѣздкѣ Ольги въ Новгородъ указываетъ, по нашему мнѣнію, и самое изложеніе этого извѣстія: выраженіе „иде Вольга Новугороду“ является болѣе уместнымъ въ лѣтописи южно-русской, составитель которой жилъ въ Кіевѣ, чѣмъ въ лѣтописи, составленной жителемъ Новгорода, который вмѣсто выраженія „иде Вольга Новугороду“ употребилъ бы: „приде Вольга Новугороду“.—Извѣстіе о приходѣ Новгородцевъ просить себѣ князя у Святослава ³⁾ также заключаетъ въ себѣ нѣкоторые признаки южно-русскаго происхожде-

мѣста и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Дѣвиру перевѣсища и по Десаѣ, и есть село ее Ольжичи и доселе. И изрядивши, възвратися къ сыну своему Киеву, и пребываше с нимъ въ любви» (Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 58—59).

¹⁾ Роспись южно-русскихъ князей, которая находится въ Акад., Ком. и Толст. спискахъ I-й Новгородской лѣтописи, начинается словами: «По крещеніи папы прьвыи князь христьяныи Володимиръ» (Продолженіе Др. Рос. Вивліоэкии, ч. II, стр. 311).

²⁾ Тамъ же, стр. 310, тоже въ Ком. и Толст. спискахъ.

³⁾ В се же время придоша люде Ноугородьстии, просяще князя собѣ; „аще не поидете к намъ, то налѣземъ князя собѣ“..... и пояша Ноугородьци Володимера к собѣ, и иде Володимиръ съ Добрынею уемъ своимъ Ноугороду“ (Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 67—68).

ніа: составитель Новгородской лѣтописи едва ли употребилъ бы выраженіа: „придоша людье Ноугородьстии“, „иде Володимерь.... Ноугороду“; вмѣсто „придоша людье Ноугородьстии“ сказалъ бы „поидоша Новгородьци Кневу...“, вмѣсто „иде Володимерь... Ноугороду“ — „приде Володимерь Ноугороду“. Кромѣ того, отсутствіе князя Святослава въ росписи южно-русскихъ князей, имѣющей въ нѣкоторыхъ спискахъ I-й Новгородской лѣтописи (см. Продолженіе Др. Рос. Вивлюенки, ч. II, стр. 311 и слѣд.), также указываетъ, по нашему мнѣнію, на отсутствіе этого извѣстіа въ первоначальной Новгородской лѣтописи. — Извѣстіе о посаженіи въ Новгородѣ посадника Добрыни и поставленіи кумира надъ рѣкою Волховымъ ¹⁾, хотя и имѣеть непосредственное отношеніе къ исторіи Новгорода, но могло быть записано и южно-русскимъ лѣтописцемъ, потому что какъ посаженіе посадника въ Новгородѣ, такъ и поставленіе тамъ кумира было, все-таки однимъ изъ проявленій дѣятельности южно-русскаго князя Владиміра, упоминаніе о различныхъ дѣлїахъ котораго представляло большій интересъ для южно-русскаго лѣтописца, чѣмъ для новгородскаго. Если бы, дѣйствительно, появленіе въ этомъ городѣ посадника Добрыни и поставленіе кумира было отмѣчено въ первоначальной Новгородской лѣтописи, то едва ли въ росписи новгородскихъ посадниковъ ²⁾ возможенъ былъ бы „скачовъ отъ сказочнаго Гостомысла къ Константину (Добрыничу), современнику Ярослава Мудраго“ ³⁾. На южно-русское происхожденіе этого извѣстіа указываетъ и выраженіе „людье Ноугородьстии“, вмѣсто котораго новгородскій лѣтописецъ постоянно употребляетъ „Новгородьци“ ⁴⁾. Извѣстіе о походѣ Владиміра на Болгарь ⁵⁾, которое, по мнѣнію

¹⁾ „Володимеръ же посади Добрыну, уя своего, в Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховымъ, и яриху ему людье Ноугородьстии, аки Богу“ (тамъ же, стр. 78).

²⁾ „А се посадники новгородчїи. Первыи Гостомыслъ, Коснатїиъ, Остромиръ, Завидъ“ и т. д. Акад. списокъ 1-й Новг. лѣт. (Продолженіе Др. Рос. Вивлюенки, ч. II, стр. 317), тоже въ Ком. и Толст. спискахъ.

³⁾ *Яншиъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскїа передѣлки, стр. 42.

⁴⁾ См. Синодальный списокъ I-й Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. т. III, а также свѣтопечатное воспроизведеніе „Новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку“ изд. Археограф. комиссиї 1875 г.)

⁵⁾ „В лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ в лодьяхъ, а Торъки берегомъ приведе на коняхъ; и побѣди Болгары. Рече Добрына Вокодимеру: „сѣгдахъ колодникъ, и суть вси в сапозѣхъ; симъ дани

г. Бестужева-Рюмина, „судя по первенствующей роли Добрыни“ ¹⁾, могло быть записано въ Новгородѣ, также не включаетъ въ себѣ никакихъ прямыхъ указаній на свое новгородское происхожденіе, такъ какъ новгородскій посадникъ Добрыня могъ играть первенствующую роль въ походѣ на Болгарь не какъ представитель Новгородцевъ, о которыхъ въ этомъ извѣстїи не упоминается ни единымъ словомъ, а какъ родственникъ Владиміра, совѣтами котораго послѣдній могъ пользоваться опять-таки не потому, что Добрыня былъ новгородскимъ посадникомъ, а потому, что Владиміръ считалъ его за человѣка опытнаго и свѣдущаго въ ратномъ дѣлѣ. И самый способъ изложенія этого извѣстїя также носитъ на себѣ нѣкоторые признаки южно-русскаго происхожденія: заключительная фраза: „и приде Володимеръ Киеву“ можетъ служить указаніемъ на кіевскаго лѣтописца, какъ очевидца возвращенія Владиміра изъ похода на Болгарь. Кромѣ четырехъ сейчасъ разсмотрѣнныхъ извѣстїй, которыя подали поводъ г. Бестужеву-Рюмину сдѣлать предположеніе о существованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ позднѣйшаго происхожденія, а именно: въ двухъ спискахъ южно-русскаго свода ²⁾ (Ипатскомъ и Хлѣбниковскомъ), въ двухъ спискахъ Суздальскаго лѣтописнаго свода (Радзвильовскомъ и Академическомъ) ³⁾, въ Академическомъ ⁴⁾, Коммиссіонномъ и Толстовскомъ спискахъ I-й Новгородской лѣтописи, въ Софійской I-й ⁵⁾, въ Тверской ⁶⁾, въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ ⁷⁾, въ Воскресенской ⁸⁾ и Никоновской ⁹⁾ лѣтописяхъ, находится нѣсколько извѣстїй, которыя, имѣя непосредственное отношеніе къ древнѣйшей исторіи Великаго Новгорода, могутъ возбудить сомнѣніе въ несуще-

намъ не данты, поидемъ искать лапотниковъ“. И створѣ миръ Володимеръ съ Болгары..... И приде Володимеръ Киеву“ (Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 82).

¹⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 50.

²⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, изд. 1871 г., а также П. С. Р. Л. т. 2-й.

³⁾ Лѣтопись по списку Лаврентія, изд. 1872 г., а также П. С. Р. Л. т. I-й.

⁴⁾ Продолженіе Др. Рос. Визяюенки, ч. 2-я.

⁵⁾ П. С. Р. Л. т. V.

⁶⁾ П. С. Р. Л. т. XV.

⁷⁾ Лѣтописецъ, содержащій въ себѣ російскую исторію отъ 6360 (852) до 7106 (1598), изд. 1781 г.

⁸⁾ П. С. Р. Л. т. VII.

⁹⁾ П. С. Р. Л. т. IX.

ствованіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ до Владиміра Святаго. Къ разсмотрѣнію этихъ извѣстій мы теперь и обратимся.

Всѣ эти немногочисленные извѣстія новгородскаго происхожденія относятся къ древнѣйшему до-христіанскому періоду исторіи Новгорода. Самое позднее изъ нихъ—извѣстіе о мѣстѣ погребенія Олега ¹⁾—относится къ самому началу X вѣка (912 г.). Относительно этого извѣстія г. Бестужевымъ-Рюминимъ было замѣчено, что записанное „во многіе лѣтописные сборники новгородскаго происхожденія (Ком. и Толст. списки Новг. I, Арханг.) преданіе о смерти Олега въ Ладогѣ и объ его могилѣ въ этомъ городѣ... противорѣчитъ извѣстной по позднѣйшимъ событіямъ его могилѣ на Щековицѣ ²⁾. Ясно, что новгородское преданіе хотѣло приписать Новгородской области мѣсто погребенія такого великаго лица, какъ Олегъ, героя столькихъ сказаній“ ³⁾. Итакъ, извѣстіе о мѣстѣ погребенія Олега есть новгородское преданіе, противорѣчащее даннымъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Точно также, едва ли можно сомнѣваться, что и остальные извѣстія новгородскаго происхожденія, имѣющіяся въ вышеупомянутыхъ лѣтописяхъ, заключая въ себѣ упоминаніе о новгородскихъ событіяхъ второй половины IX вѣка, имѣютъ своимъ началомъ не лѣтописныя записи, а устные преданія, которыя были занесены въ лѣтописи въ болѣе позднее время, по крайней мѣрѣ послѣ появленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Воспоминаніе о такихъ событіяхъ, какъ избраніе перваго новгородскаго посадника Гостомысла ⁴⁾, построеніе Ладоги ⁵⁾ и Новгорода ⁶⁾, призваніе Варяжскихъ князей по совѣту Гостомы-

¹⁾ «Олеги.... идущю ему за море и уклону зміа в ногу, и с того умре; есть могила его в Ладозѣ» (Ком. и Толст. сп. I-й Новг. лѣт., Арханг. лѣт., стр. 10).

²⁾ «Олеги.... с того разболѣся и умре. И плакашася людие вси плачемъ великимъ, и несоча и погребоша его на горѣ, еже глаголетъся Щековица». Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 38; лѣт. по Ипат. списку, стр. 24.

³⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 61.

⁴⁾ «Словѣни же пришедше съ Дуная съдоша около озера Ильмеря, и прозвашася своимъ именемъ, и съдѣлаша градъ и наркоша Новъгородъ, и посадиша старѣйшину Гостомысла». Соф. I (П. С. Р. Л., V, 83), Тв. (П. С. Р. Л., XV, 19), Воскр. (П. С. Р. Л., VII, 262).

⁵⁾ «Изъбрашася 3 братья с роды своими, и пояша собѣ всю Русь и придоша к словенюмъ первое и срубиса городъ Ладогу и съде в Ладозѣ». Лѣт. по сп. Лавр. (сп. Радз. и Ак.) стр. 19, вар. № 13; то же въ лѣт. по Ипат. сп. (сп. Ипат. и Хлѣбн.), стр. 11.

⁶⁾ «И прія всю власть Рюригъ одинъ, и пришедъ ко Илмерю и срубилъ городомъ надъ Волховымъ, и прозва (и—Акад.) Новгородъ, и съде ту княжа раз-

сла ¹⁾, рожденіе Игоря ²⁾, возмущеніе Новгородцевъ ³⁾ и послѣдствія этого возмущенія ⁴⁾, могло долго сохраняться въ памяти народной и переходить отъ предковъ къ потомкамъ путемъ устной передачи. Предполагать существованіе лѣтописныхъ записей, близкихъ по времени къ самому совершенію вышеупомянутыхъ событій, едва ли возможно въ виду того явнаго противорѣчія, какое замѣчается между фактическими и хронологическими данными Повѣсти Временныхъ лѣтъ и таковыми же данными разсматриваемыхъ новгородскихъ извѣстій. Такъ, по разказу Повѣсти Временныхъ лѣтъ, построеніе Новгорода относится къ эпохѣ первоначальнаго поселенія Славянскихъ племенъ въ мѣстности, прилежащей къ Ильменскому озеру ⁵⁾, между тѣмъ какъ новгородское преданіе, имѣющееся въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, приписываетъ построеніе Новгорода одному

дая волости». Лѣт. по сп. Лавр. (сп. Радз. и Акад.), стр. 19, вар. № 22; лѣт. по Ипат. списку (Ипат. и Хлѣбн.), стр. 11.

¹⁾ «И въ то время въ Новѣгородѣ нѣкій бѣ старѣйшина именемъ Гостомысль, скончаваеъ житіе, и соза владалца суща съ нимъ Новаграда, и рече: «совѣтъ даю вамъ, да последе въ Прускую землю мудрыя мужи и правовете князя отъ тамо сущихъ родовъ». Воскр. лѣт. (П. С. Р. Л., VII, 268).

²⁾ «Въ лѣто 6370 (862)... Рюрику же князю въ Новѣгородѣ, и роди сынъ, и нарече имя ему Игорьъ. Възрастшю же Игореву, и бысть храборъ и мудръ; и бысть у него воевода, именемъ Олегъ, мужъ мудръ и храборъ». Соф. 1-я (П. С. Р. Л., V, 88), Воскр. (П. С. Р. Л., VII, 268—269), Тв. (П. С. Р. Л., XV, 31), Арханг., стр. 5 (подъ г. 6371), Ком. и Толст. списки 1-й Новг. лѣтописи.

³⁾ «Въ лѣто 6372. Оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его». Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ съвѣтниковъ его». Ник. лѣт. (П. С. Р. Л., XI, 9).—Что касается до извѣстія о возстаніи Новгородцевъ, имѣющагося въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ подъ г. 6370: «Въсташа Кривичи, и Словѣне, и Чудь, и Меря на Варягы, и изгнаша я за море».—Соф. 1-я (П. С. Р. Л., V, 88), Тв. (П. С. Р. Л., XV, 29—30), Воскр. (П. С. Р. Л., VII, 268), Арханг., 3 (подъ г. 6367), Ком. и Толст. списки 1-й Новг. лѣт.—относительно происхожденія этого извѣстія считаю возможнымъ замѣтить, что это извѣстіе представляетъ не болѣе, какъ распространеніе извѣстія, имѣющагося въ «Повѣсти Временныхъ лѣтъ» подъ г. 6370 (лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 18).

⁴⁾ «Того же лѣта (6375 г.) избѣжаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Кіевъ много Новгородцкихъ мужей». Ник. лѣт. (П. С. Р. Л., IX, 9).

⁵⁾ «Словѣни же сѣдоша около езера Илмеря, прозвашася своимъ именемъ, и сѣдлаша градъ и нарекоша и Новѣгородъ». Лѣт. по списку Лаврентія, стр. 6; лѣт. по Ипат. сп., стр. 4.

изъ первыхъ князей, Рюрику ¹⁾. Думаемъ, что преданіе о построеніи Новгорода, находящееся въ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ“,—болѣе древняго происхожденія, чѣмъ преданіе о томъ же событіи, имѣющееся въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Другое извѣстіе—о рожденіи Игоря, помѣщенное въ лѣтописяхъ позднѣйшаго происхожденія подъ г. 6370 ²⁾, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе хронологическимъ показаніямъ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ“: въ „Повѣсти“ подъ г. 6387 (879) сказано: „Умершу Рюрикови предасть княженъе свое Олгови, отъ рода ему суца, вѣдавъ ему сынъ свой на рудѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми“ ³⁾, между тѣмъ какъ по хронологическимъ даннымъ вышеприведеннаго извѣстія о рожденіи Игоря оказывается, что въ 879 г. (6387) Игорю было уже 17 лѣтъ (6370—6387); возможно ли было про 17-ти-лѣтняго юношу сказать: „вѣдавъ ему сынъ свой на рудѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми“? Подобная же странность замѣчается при сопоставленіи извѣстія о рожденіи Игоря (подъ г. 6370) съ извѣстіемъ о походѣ Олега на югъ, „къ горамъ Кыевскимъ“ (подъ г. 6390). Въ извѣстіи о походѣ Олега говорится, между прочимъ, что Олегъ „самъ приде, нося Игоря дѣтска“ ⁴⁾, между тѣмъ, какъ извѣстіе о рожденіи Игоря относитъ это событіе къ 6370 г.; такимъ образомъ, изъ сопоставленія данныхъ различныхъ лѣтописей выходитъ, что Олегъ, желая показать Аскольду и Диру наслѣдника Рюрика, беретъ на руки двадцатилѣтняго Игоря. Затѣмъ, извѣстіе о мѣстѣ погребенія Олега, сохранившееся въ трехъ позд-

¹⁾ См. примѣчаніе № 1, стр. Отсутствіе этого преданія о построеніи Новгорода Рюрикомъ въ другихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ не объясняется ли сознательнымъ отношеніемъ составителей этихъ лѣтописей къ пользуемымъ ими устнымъ преданіямъ.

²⁾ Въ Арханг. лѣт. подъ г. 6371 (стр. 5).

³⁾ Лѣт. по сп. Лавр., 22; лѣт. по Ипат. списку, 12—13. То же въ Соф., I, (П. С. Р. Л., V, 89), Воскр. (П. С. Р. Л., VII, 269), Тв. (П. С. Р. Л., XV, 32), Арханг., 5.

⁴⁾ Лѣт. по сп. Лавр., 22; лѣт. по Ипат. сп., 13; въ Арханг.: «Имый на рукахъ у себя Игоря» (стр. 6); въ лѣт. Соф. I-й, Тверской, Воскр. эта замѣтка отсутствуетъ; но въ этихъ же лѣтописяхъ, при дальнѣйшемъ изложеніи извѣстія о походѣ Олега на югъ, находимъ замѣтку: «Игорь же и Олегъ, творящяся мимодоуца, потанаста въ лодіяхъ» (Соф. I-я, 89; Тв., 33; Воскр., 269; Арханг., 6; Ком. и Толст. сп. I-й Новг. лѣт.), противорѣчащую дальнѣйшему изложенію того же извѣстія: «Олегъ же взялъ Игоря на рудѣ си.» (Соф. I, 89; Воскр., 270; Тв., 33; Арх., 6).

нѣйшихъ лѣтописяхъ ¹⁾, помѣщено вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти Олега подъ г. 6430 (922), тогда какъ въ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ“ извѣстіе о смерти Олега помѣщено подъ г. 6420 ²⁾. Подобнаго рода противорѣчіе между данными „Повѣсти Временныхъ лѣтъ“ и данными разсматриваемыхъ извѣстій новгородскаго происхожденія едва ли было бы возможно при существованіи лѣтописныхъ записей, близкихъ по времени къ событіямъ, описываемымъ въ этихъ извѣстіяхъ.

И такъ, разсмотрѣніе извѣстій, имѣющихся во всѣхъ лѣтописяхъ древнѣйшаго и позднѣйшаго происхожденія и относящихся къ древнѣйшему, до-христіанскому періоду исторіи Новгорода, приводитъ насъ къ заключенію, что дошедшій до насъ лѣтописный матеріалъ не дозволяетъ предполагать существованія лѣтописныхъ записей новгородскаго происхожденія въ X вѣкѣ до Владиміра Святаго. Но такъ

¹⁾ Арханг. лѣт., 10; Ком. и Толст. списки I-й Новг. лѣт.

²⁾ «6420. Олегъ... с того разболѣвся и умре» лѣт. по сп. Лавр., 38; лѣт. по Ипат. списку, 23. Несогласное съ хронологическими данными «Повѣсти» обозначеніе года смерти Олега (6430) въ позднѣйшихъ спискахъ Новгородской лѣтописи находится, по нашему мнѣнію, въ связи съ своеобразнымъ представленіемъ составителей этихъ списковъ (Ком., Толст. и, по всей вѣроятности, Акад. о личности Олега. По представленію позднѣйшихъ писателей древне-Новгородской лѣтописи, преемникомъ Рюрика является не Олегъ, а Игорь, который, по разказу Ком. и Толст. сп. I-й Новг. лѣтописи, приѣхъ «къ горамъ Кыевскимъ»; призываетъ Аскольда и Дира, обращается къ нимъ съ извѣстными словами: «вы нѣста князя, ни роду князя; нъ азъ емь князь, и мнѣ достоитъ княжити» (Ком. и Толст. сп. I-й Новг. лѣт.), затѣмъ убиваетъ ихъ, дѣлается Кіевскимъ княземъ, занимается построеніемъ городовъ и налагаетъ, между прочимъ, дань на жителей Новгородской области, совершаетъ, однимъ словомъ, все то, что, по разказу «Повѣсти временныхъ лѣтъ», приписывается Олегу, такъ что, если разказъ Ком. и Толст. списковъ сопоставить съ данными «Повѣсти», то оказывается, что Игорь, будучи еще ребенкомъ, котораго носили на рукахъ («а самъ (Олегъ) приде нося Игоря молода... и вынесоша Игоря» — лѣт. по сп. Лавр., 22; лѣт. по Ип. сп., 13), обращается съ рѣчью къ Аскольду и Диру, убиваетъ этихъ князей и дѣлается Кіевскимъ княземъ. Подобное своеобразное представленіе о личности Олега и о времени вокняженія Игоря возможно объяснить существованіемъ древне-новгородскаго преданія о княженіи Рюрика, рожденія Игоря и воеводѣ Олегѣ, по которому преемникомъ Рюрика является не Олегъ, а Игорь. Въ связи съ этимъ своеобразнымъ представленіемъ о личности Олега находится также несогласное съ хронологическими данными «Повѣсти» обозначеніе времени похода Олега на Царьградъ: походъ Олега относится не къ 6415 г., а къ 6430 г. (когда уже Олега, по даннымъ «Повѣсти», не было въ живыхъ); а походъ Игоря на Царьградъ не къ 6449, а къ 6428 г. (раньше похода Олега).

какъ оба списка I-й Новгородской лѣтописи ¹⁾, Синодальный и Академическій, сохранились безъ начала, то возможно предположеніе, что „въ Новгородѣ была составляема о древнѣйшихъ временахъ Руси такая же обширная лѣтопись, какъ и Несторова“ ²⁾, и что „въ начальныхъ тетрадахъ Синодальнаго списка утратился не какой-нибудь влочокъ Кіевской „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, а самостоятельная Новгородская начальная лѣтопись“ ³⁾. Но, во первыхъ, самый фактъ потери начала двухъ списковъ древне-новгородской лѣтописи еще не даетъ намъ никакого права дѣлать заключенія ни о существованіи, ни объ отсутствіи лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ древнѣйшій періодъ. А во вторыхъ, чтобы показать, на сколько основательны вышеприведенныя мнѣнія Срезневскаго и Яниша, обратимся къ разсмотрѣнію той причинной связи, какая замѣчается между явленіями и событіями древне-новгородской жизни и развитіемъ лѣтописнаго дѣла въ Новгородѣ.

Для возникновенія и дальнѣйшаго развитія лѣтописныхъ записей, какъ и вообще всякихъ историческихъ явленій, необходимо существованіе въ народной жизни благопріятствующихъ тому условій. Каковы должны были быть эти условія въ данномъ случаѣ на это нѣкоторые указанія мы находимъ въ трудахъ Срезневскаго ⁴⁾ и г. Сухомлинова ⁵⁾. По мнѣнію Срезневскаго, Русскому народу, какъ и всѣмъ другимъ народамъ, была свойственна потребность „помнить достойныя памяти событія, передавать разказъ о нихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе“, и эта потребность обнаруживается въ стремленіи увѣковѣчить эту память преданіемъ и письмомъ (принимая это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ)“ ⁶⁾. Г. Сухомлиновъ также замѣчаетъ, что „первый зародышъ лѣтописей заключается въ потребности сохранить воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ“, и что подобная потребность возникаетъ „по мѣрѣ того, какъ опредѣляется у народа

) Относительно I-й Новг. лѣтописи Берединымъ было замѣчено, что эта лѣтопись «есть единственный источникъ для исторіи древняго Новгорода». См. предисловіе къ I-й Новг. лѣт. въ П. С. Р. Л., т. III, стр. VII.

²⁾ Срезневскій, Исслѣдованія о Новг. лѣт., *Изв. 2-го Отд. Акад. Наукъ*, 2-й, стр. 20.

³⁾ Янишъ, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 24.

⁴⁾ Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ. Памятники X вѣка до Владимира Святаго. *Изв. 2-го Отд. Акад. Наукъ*, т. III.

⁵⁾ О древне-русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ.

) Срезневскій, Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, стр. 10. Памятники X-го вѣка до Владимира Святаго. *Изв. 2-го Отдѣл. Акад. Наукъ*, т. III-й, стр. 58

общественное устройство“¹⁾. И такъ, по мнѣнію обоихъ изслѣдователей, появленіе лѣтописныхъ записей было вызвано совершеніемъ достопамятныхъ событій. Но возникаетъ вопросъ: какого же рода событія народной жизни признавалъ древне-русскій лѣтописецъ достойными памяти? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, рассмотримъ содержаніе тѣхъ лѣтописныхъ извѣстій, которыя, по мнѣнію И. И. Срезневскаго²⁾, составляютъ первоначальную Кіевскую лѣтопись³⁾. Въ этихъ извѣстіяхъ мы находимъ изложеніе событій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Кіевскому князеству, а именно краткія упоминанія о походахъ первыхъ князей: Олега, Игоря, Ольги, Святослава⁴⁾ на Деревлянъ, Сѣверянъ, Радимичей, Вятичей и на Кривичей, Чудь и Мерю (жившихъ въ Новгородской области), и о наложени дани на эти племена. Кромѣ того, въ этихъ извѣстіяхъ первоначальной Кіевской лѣтописи находимъ упоминаніе о небесномъ знаменіи, о первомъ приходѣ Печенѣговъ на Русскую землю, о смерти княгини Ольги⁵⁾. Такимъ образомъ, содержаніемъ первоначальной Кіевской лѣтописи является упоминаніе о походахъ первыхъ Русскихъ князей, слѣдствіемъ чего было покореніе различныхъ Русскихъ племенъ южно-русскими князьями. Слѣдовательно, достопамятными событіями южно-русскій лѣтописецъ признавалъ событія политическія, которыя указывали на расширеніе предѣловъ Кіевского княжества, на возрастаніе его политическаго могущества. Быть можетъ однако, такое предпочтеніе событій политическихъ событіямъ внутренней жизни составляетъ исключительную принадлежность южно-русскаго лѣтописца? Но самое поверхностное знакомство съ исторіей древнихъ и современныхъ народовъ убѣждаетъ въ неосновательности такого предположенія. Изъ всѣхъ событій, составляющихъ историче-

¹⁾ *Сухомлиновъ*, О древней русской лѣтописи, какъ памятникъ литературному, стр. 2.

²⁾ Чтенія о др. р. лѣтописяхъ, стр. 5 и слѣд.; Памятники X-го вѣка до Владимира Святаго. *Изв. 2-го Отдѣл. Ак. Наукъ*, т. III, стр. 53 и слѣд.

³⁾ Происхожденіе этихъ извѣстій, вслѣдствіе ихъ временнаго и отрывочнаго характера, всего естественнѣе объяснять существованіемъ лѣтописныхъ записей, «безжизненныхъ по изложенію, безсвязныхъ по взаимному соотношенію» и близкихъ по времени къ описываемымъ въ нихъ событіямъ.

⁴⁾ Лѣтопись по списку Лаврентія и лѣт. по Ип. списку подъ гг. 6391, 6392, 6393, 6422, 6453, 6454, 6455, 6472, 6479.

⁵⁾ Тамъ же, подъ г. 6419 (911): „явися звѣзда велика на западѣ копейнымъ образомъ“; подъ г. 6423 (915): „Придоша Печенѣви первое на Русскую землю“; то же подъ г. 6476 (968); подъ г. 6477 (969): „по трехъ днехъ умре Ольга“.

ское прошлое различныхъ народовъ, наиболѣе извѣстными являются событія политическія. Едва ли не самымъ естественнымъ объясненіемъ этого явленія должно признать то обстоятельство, что въ историческихъ памятникахъ всѣхъ народовъ обращалось большее вниманіе на событія необыкновенныя, каковы были войны и послѣдствія ихъ, правленіе государей, отличавшихся завоевательными наклонностями, затѣмъ бѣдствія, причиняемыя набѣгами иноплеменниковъ, однимъ словомъ, обращалось вниманіе на событія, болѣе касавшіяся внѣшней исторіи народа, чѣмъ его быта, учреждений, обычаевъ, понятій и вѣрованій; поэтому-то и замѣчается сходство въ содержаніи историческихъ памятниковъ всѣхъ народовъ. Въ виду такого преобладанія извѣстій о политическихъ событіяхъ въ лѣтописяхъ различныхъ народовъ, мы могли бы съ достаточною вѣроятностью допустить предположеніе, что и главнымъ содержаніемъ первоначальной лѣтописи Новгородской было изложеніе достопамятныхъ событій, относящихся къ политической жизни Великаго Новгорода. Но отсутствіе всякаго упоминанія о такихъ событіяхъ изъ древнѣйшаго до-христіанскаго періода новгородской исторіи въ Новгородскихъ лѣтописяхъ невольно приводитъ къ сомнѣнію: были ли въ древнѣйшей жизни Великаго Новгорода такія событія, которыя свидѣтельствовали бы о политическомъ ростѣ Новгородской области, о расширеніи предѣловъ, о подчиненіи Новгородскимъ князьямъ сосѣднихъ съ нею земель, и если дѣйствительно существовали, то чѣмъ объяснить такое упорное молчаніе о такихъ событіяхъ во всѣхъ лѣтописяхъ древнѣйшаго и позднѣйшаго происхожденія. Если, подобно И. И. Срезневскому и г. Янишу ¹⁾, умолчаніе о подобныхъ событіяхъ объяснять утратой первоначальной Новгородской лѣтописи, то къ какому же времени надо относить эту утрату? Относить ее, вмѣстѣ съ Бѣляевымъ и Янишемъ ²⁾, къ эпохѣ московскаго самодержавія едва ли возможно уже потому, что въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“,

¹⁾ Исслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. *Изв. 3-го Отд. Ак. Наукъ*, т. 2, стр. 20; Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 24. Кромѣ Яниша и Срезневскаго, на возможность утраты древне-новгородскихъ лѣтописей указываетъ и г. Маркевичъ въ своемъ сочиненіи „О лѣтописяхъ“, стр. 60.

²⁾ О Несторовой лѣтописи. *Чтенія Московскаго Общества ист. и др. Росс.* 1847 г., № 5, стр. 10; Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 47 и слѣд. Г. Янишъ, указывая на потерю начала древне-новгородской лѣтописи, замѣчаетъ, что „обезглавленіе и искаженіе новгородскихъ лѣтописей могло быть точно также дѣломъ московской политики“ (стр. 48), потому что Москва стремилась „къ уничтоженію всѣхъ слѣдовъ новгородской самобытности“ (стр. 46—47).

которая столь точно и добросовѣстно излагаетъ древне-новгородскія политическія событія, упоминаемыя и въ дошедшихъ до насъ новгородскихъ лѣтописяхъ, умалчивается совершенно о какихъ-либо политическихъ событіяхъ въ Новгородѣ въ періодъ до-христіанскій. Если же полагать, что утрата начала Новгородской лѣтописи случилась до составленія „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, то возникаетъ вопросъ: почему новгородское преданіе, которое, какъ мы уже видѣли, упоминаетъ о внутреннихъ событіяхъ новгородскихъ (объ избраніи посадника Гостомысла, о призваніи Варяжскихъ князей, о построеніи городовъ и др.), умалчиваетъ о достопамятныхъ политическихъ событіяхъ древнѣйшаго періода Новгорода? Едва ли не самымъ естественнымъ и правильнымъ объясненіемъ такого упорнаго молчанія Новгородскихъ лѣтописей и новгородскаго преданія о политическихъ событіяхъ въ Новгородской землѣ является предположеніе, что таковыхъ событийъ въ до-христіанскій періодъ исторіи Великаго Новгорода и не было. Въ пользу такого предположенія говорятъ также тѣ немногія, но вполне опредѣленныя указанія на характеръ древне-новгородской жизни, которыя мы находимъ въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Изъ нея мы узнаемъ, что Новгородцы со временъ Олега до смерти Ярослава обязаны были платить дань Кіевскому князю ¹⁾, участвовать въ походахъ, предпринимаемыхъ южно-русскими князьями ²⁾, принимать отъ этихъ князей себѣ князя ³⁾

¹⁾ „Олеѣ нача города ставити, и устави дани Словенномъ, Кривичемъ и Мери, и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривень 300 на лѣто, мира дѣля, еше до смерти Ярославѣ даяше Варягомъ“. Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 23; то же въ лѣт. по Ипат. сп., стр. 13; въ тѣхъ же лѣтописяхъ подъ г. 6455 (947) имѣется слѣд. извѣстіе: „иде Вольга Новгороду, и устави по Мьстѣ повосты и дани и по Лузѣ оброки и дани“, подъ г. 6522 (1014)—„Ярославу же сущю Новгородѣ, и урокомъ дающе Кіеву двѣ тысячѣ гривень отъ года до года, а тысячу Новгородѣ гридемъ раздаваху; и тако даяху вси посадници Новгородстии“.

²⁾ „Въ лѣто 6390 (882). Поиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдь, Словѣни, Мерю, Вель, Кривичи“. Лѣт. по списку Лавр., стр. 22, то же въ Лѣт. по Ипат. списку, стр. 13; подобныя же указанія на участіе Новгородцевъ въ походахъ южно-русскихъ князей находятся въ тѣхъ же лѣтописяхъ подъ гг. 6415, 6452 и 6488.

³⁾ „В лѣто 6478.... придоша людье Ноугородстии, просяще князя собѣ: „аще не поидете к намъ, то нальземъ князя собѣ“, и рече к нимъ Святославъ: „а бы пошелъ кто к вамъ“. И отирѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: „просите Володимера“... И рѣша Ноугородци Святославу: „вѣдай ны Володимера“; онъ же рече имъ: „вотъ вы есть“. И пояша Ноугородци Володимера к

и посадника ¹⁾). Кроме приведенных выше данных „Повѣсти временныхъ лѣтъ“, свидѣтельствующихъ о политической зависимости древняго Новгорода отъ южно-русскихъ князей, на политическую слабость этого города въ древнѣйшій періодъ указываютъ и данныя позднѣйшихъ списковъ 1-й Новгородской лѣтописи. Изъ Ком., Акад. и Толст. списковъ ея мы узнаемъ, что политическая зависимость Великаго Новгорода отъ южно-русскихъ князей продолжалась со времени Олега ²⁾ приблизительно до смерти Мстислава, сына Мономаха. Въ росписи Новгородскихъ князей, имѣющейся въ Ком., Акад. и Толст. спискахъ 1-й Новгородской лѣтописи, постоянно до второй четверти XII в. говорится, что Кіевскій князь „Новѣгородъ посади сына своего“ ³⁾).

Данныя древнѣйшихъ и позднѣйшихъ лѣтописей, указывающія на политическую зависимость Великаго Новгорода отъ южно-русскихъ князей, находятъ себѣ подтвержденіе и въ тѣхъ извѣстіяхъ этихъ лѣтописей, которыя относятся преимущественно къ исторіи Кіевского княжества. Изъ исторіи сего послѣдняго мы узнаемъ, что всѣмъ

собѣ, и иде Володимеръ съ Добрынею уежь своимъ Новѣгороду“. Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 68; Лѣт. по Ипат. сп., стр. 45; тамъ же подъ г. 6496 (988): „и посади (Володимеръ) Вышеслава в Новѣгородѣ“—Лѣт. по сп. Лавр., 118; Лѣт. по Ип. сп., 83.

¹⁾ „а Ярополкъ посадники своя посади въ Новѣгородѣ, и бѣ володѣя еднѣнъ в Русѣ“. Лѣт. по сп. Лавр., стр. 74; Лѣт. по Ипат. сп., стр. 49; тамъ же, подъ г. 6488 (980): „Володимеръ же посади Добрыню, уя своего въ Новѣгородѣ“. Лѣт. по сп. Лавр., стр. 78; Лѣт. по Ип. сп., стр. 52—53.

²⁾ Въ Ком. и Толст. сп. 1-й Новг. лѣтописи всѣ дѣянія Олега, какъ мы уже это видѣли, приписываются Игорю.

³⁾ Для желающихъ убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ вышеупомянутой росписи Новгородскихъ князей, имѣющей „какую-то ближайшую связь съ нынѣ утраченною Новгородскою хронологіей“ (*Ямизъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 41): „Родися у Ярослава сынъ Іаъ и посади в Новогородѣ... а сына своего Володимера посади (Ярославъ) в Новѣгородѣ..... ...и по преставленіи Володимеръ в Новѣгородѣ Іаъ посади сына своего Мъстислава... И посади Святославъ (Акад. ошиб. Святослава) сына (приб. въ Ком. и Толст.) своего Гѣба... И присла Всеволодъ внука своего Мъстислава сына Володимера, и кнѣживъ 5 лѣтъ, иде к Ростову. А Давыдъ приде къ Новогороду княжити, и по двою лѣту выгнаша и. И приде Мъстиславъ опять, и сѣде въ Новѣгородѣ 22 (20—Ком. и Толст.) лѣтъ. И иде къ Кыеву къ отцу, и сѣде на столѣ отиѣ, а въ Новѣгородѣ посади сына своего Всеволода“. Акад. списокъ 1-й Новг. лѣт. (Продолженіе Др. Росс. Визлѣоенки, часть 2-я, стр. 312—313); то же въ Ком. и Толст. спискахъ.

Русскимъ князьямъ, не исключая и Новгородскихъ, съ древнѣйшихъ временъ до второй половины XII столѣтія было свойственно стремленіе на югъ, стремленіе занять великокняжескій кievскій столъ, сдѣлаться владѣльцемъ того города, про который было сказано еще Олегомъ: „се буди мати градомъ русьскимъ“ ¹⁾. Существованіе такого стремленія объясняется тѣмъ общерусскимъ значеніемъ которымъ пользовались Кіевскіе князья, благодаря универсальному характеру своей политической дѣятельности въ древнѣйшій періодъ русской истории.

За этими князьями было признано право старшинства, которое и было главною приманкою для всѣхъ Русскихъ князей. Въ эпоху такого всеобщаго тяготѣнія къ кievскому великокняжескому столу, въ эпоху постоянного возрастанія и усиленія политическаго могущества Кіевскаго княжества, не могли и Новгородскіе князья не испытывать общаго всѣмъ Русскимъ князьямъ стремленія на югъ, стремленія занять великокняжескій кievскій столъ. Изъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“ и перечня Новгородскихъ князей ²⁾ мы знаемъ, что почти всѣ Новгородскіе князья съ древнѣйшихъ временъ до второй четверти XII в. занимали въ концѣ своей жизни великокняжескій кievскій столъ. Такое непостоянство Новгородскихъ князей могло ли представлять благоприятное условіе для усиленія политическаго могущества Новгорода въ эпоху, современную постоянному возрастанію значенія и могущества Кіевскаго княжества? Указаніемъ на политическую слабость Великаго Новгорода въ древнѣйшій періодъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что Новгородскіе князья въ случаѣ внѣшней опасности обращались за помощію къ Варягамъ; такъ напримѣръ, Владиміръ Святой, узнавъ во время своего княженія въ Новгородѣ о томъ, что Ярополкъ убилъ Олега, бѣжалъ за море, то-есть, къ Варягамъ ³⁾, откуда вернулся въ сопровожденіи варяжской дружины, съ которою и отправился въ походъ противъ Ярополка ⁴⁾. Сынъ Владиміра Ярославъ, когда узналъ о намѣреніи своего отца идти на Новгородъ,

¹⁾ Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 23; то же въ Лѣт. по Ипат. сп., стр. 13.

²⁾ См. Акад. (Продолженіе Др. Рос. Визліоенки, часть 2-я, стр. 312—313) Ком. и Толст. списки 1-й Новгородской лѣтописи.

³⁾ „Слышавъ же се Володимѣръ в Новгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море“. Лѣт. по списку Лаврентія, стр. 74; Лѣт. по Ипат. списку, стр. 49.

⁴⁾ Лѣт. по сп. Лавр. стр. 74; Лѣт. по Ипат. сп., стр. 50.

также прибѣгъ къ помощи Варяговъ ¹⁾. Затѣмъ косвеннымъ указаніемъ на политическую слабость древнихъ Новгородцевъ могутъ служить, по нашему мнѣнію, тѣ насмѣшливыя слова кіевскаго боярина, съ которыми онъ обратился къ Новгородцамъ передъ началомъ Любецкой битвы (1016): „вы плотници суще, а приставимъ вы херомъ рубити“ ²⁾. Съ такими словами кіевскій бодринъ могъ обращаться не къ постоянной дружинѣ, испытанной въ бояхъ и сраженіяхъ ³⁾, а къ земскому ополченію, составлявшему, очевидно, главную массу новгородскаго войска и набранному изъ различнаго рода работниковъ и ремесленниковъ.

Если полагать, что, не смотря на политическую слабость древняго Новгорода, Новгородскіе князья могли совершать походы на сосѣднія племена, и что упоминаніе объ этихъ походахъ и ихъ послѣдствіяхъ могло составить содержаніе не дошедшей до насъ первоначальной Новгородской лѣтописи, то чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что во всѣхъ новгородскихъ и неновгородскихъ лѣтописяхъ древнѣйшаго и позднѣйшаго происхожденія мы находимъ при описаніи событий XI столѣтія, когда „Новгородцы безусловно повиновались великимъ князьямъ“ ⁴⁾, только четыре упоминанія о событіяхъ политическихъ ⁵⁾, между тѣмъ какъ при изложеніи событий XII в., когда „злыя которы, возникшія въ Руси между князьями... высвободили

¹⁾ Лѣт. по сп. Лавр., стр. 127; Лѣт. по Ипат. сп., стр. 87. О многочисленности варяжской дружины мы можемъ судить по слѣдующему мѣсту изъ 1-й Новгородской лѣтописи (по спискамъ Акад., Ком. и Толст.) „И събра вои 4000, Варягъ башеть тьсяща, а Новгородъчевъ 3000“ (Акад. сп. 1-й Новг. лѣт. въ Прод. Др. Рос. Вивліоенки, II, стр. 334).

²⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 1.

³⁾ Весьма характернымъ указаніемъ на то, какую роль играла въ Новгородѣ постоянная княжеская дружина, можетъ служить фактъ избіенія Новгородской дружины по распоряженію Ярослава: „И се слычавъ Ярославъ разгнѣвася на горожаны, и събра воя славны тьсящу, и обольтивъ исьеъче, иже бяху Варягы ты иськъль“ (Ак. сп. Новг. I лѣт. въ Прод. Др. Рос. Вивліоенки, ч. 2, стр. 333; то же въ Ком. и Толст. спискахъ). Могъ ли Ярославъ, въ виду опасности, угрожающей со стороны кіевскаго князя, рѣшиться на подобный поступокъ, еслибъ онъ полагалъ главную свою защиту въ постоянной новгородской дружинѣ? Очевидно, не въ ней онъ видѣлъ свою защиту, а въ дружинѣ варяжской, за избіеніе которой и рѣшился отомстить Новгородцамъ, чтобы не потерять расположенія Варяговъ.

⁴⁾ С. М. Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 48—49.

⁵⁾ См. I-ю Новг. лѣт. по спискамъ Син., Акад., Ком. и Толст.; лѣт. по сп. Лавр. и лѣт. по Ипат. сп.; затѣмъ Сое. I-ю, Твер., Воскр. и Ник. подъ

Новгородцевъ изъ подъ вліянія великихъ князей¹⁾, мы находимъ такихъ упоминаній о новгородскихъ политическихъ событіяхъ тридцать²⁾.

Подобное соотвѣтствіе между возрастаніемъ политическаго могущества Новгорода и увеличеніемъ числа лѣтописныхъ извѣстій, заключающихъ въ себѣ упоминаніе о новгородскихъ событіяхъ политическаго характера, въ связи съ тѣми данными древнѣйшихъ и позднѣйшихъ лѣтописей, которыя, умалчивая о политическихъ событіяхъ древнѣйшей исторіи Новгорода, согласно указываютъ на полную зависимость Новгородцевъ отъ южно-русскихъ князей съ древнѣйшихъ временъ до второй четверти XII вѣка, не можетъ не служить къ утверженію истинности того положенія, что отсутствіе въ лѣтописяхъ всякаго упоминанія о политическихъ событіяхъ въ Новгородской землѣ, въ періодъ до-христіанскій, объясняется всего естественнѣе и вѣроятнѣе не утратою первоначальной Новгородской лѣтописи, а дѣйствительнымъ отсутствіемъ въ древней новгородской жизни такихъ политическихъ событій, воспоминаніе о которыхъ счелъ бы нужнымъ увѣковѣчить какой-нибудь новгородскій книжникъ того времени хотя бы краткою записью.

Но если достопамятныхъ политическихъ событій дѣйствительно не было въ древнѣйшемъ періодѣ новгородской жизни, то о чемъ же могло говорить то „значительное количество мѣстныхъ извѣстій и преданій о древнихъ судьбахъ Новгорода и объ отношеніяхъ его къ остальной Руся“, которое, по мнѣнію г. Яниша³⁾, составляло самостоятельную начальную Новгородскую лѣтопись.

Обращаясь къ разсмотрѣнію данныхъ Новгородскихъ лѣтопи-

г. 6524 (1016)—объ участіи Новгородцевъ въ борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, подъ г. 6550 (1042)—о походѣ князя Владимира на Емь, подъ г. 6577 (1069)—пораженіе Всеслава Новгородскимъ княземъ Глѣбомъ (упоминаніе объ этомъ событіи въ „Повѣсти Временныхъ лѣтъ“ отсутствуетъ), подъ 6605 (1097) г.—обитвѣ на Колацкѣ; въ „Повѣсти“ извѣстіе объ этомъ событіи подъ г. 6604.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 49.

²⁾ См. I-ю Новг. лѣт. по спискамъ Син., Авад., Ком. и Толст. подъ гг. 6613, 6619, 6621, 6624, 6631, 6638, 6639, 6641, 6642, 6645, 6650, 6653, 6655, 6656, 6657, 6675, 6676, 6677, 6681, 6684, 6687, 6688, 6689, 6693, 6694, 6696, 6699, 6700, 6701, 6706.

³⁾ Янишъ, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 24,

сей ¹⁾, мы находимъ, что въ нихъ, кромѣ событій политическихъ, упоминаются событія внутренней жизни Новгорода. Среди такихъ событій первое мѣсто принадлежитъ дѣламъ церковнымъ, каковы построение церквей и монастырей, поставленіе и кончина епископовъ, игуменовъ и игуменій. Извѣстія такого рода встрѣчаются во всѣхъ дошедшихъ до насъ Новгородскихъ лѣтописяхъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ (съ конца X вѣка) до второй четверти XVIII столѣтія ²⁾; поэтому, возможно предполагать, что упоминаніе объ этихъ событіяхъ составляло содержаніе и не дошедшей до насъ первоначальной Новгородской лѣтописи.

Разсмотрѣніе данныхъ всѣхъ дошедшихъ до насъ Новгородскихъ лѣтописей приводитъ насъ къ тому заключенію, что „христианство было тамъ (то-есть, въ Новгородѣ) явленіемъ совершенно новымъ, результатомъ официальной проповѣди, послѣдовавшей изъ Кіева уже послѣ совершившейся тамъ перемѣны“ ³⁾. Доказательствомъ тому могутъ служить какъ „успѣхи, которыми сопровождалось появленіе волхвовъ на сѣверѣ“, такъ и то крайне рѣдкое упоминаніе о церковныхъ событіяхъ, какое мы находимъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ при изложеніи событій XI столѣтія, особенно первой его половины ⁴⁾. Въ виду этого обстоятельства, едва ли возможно предпола-

¹⁾ I-я Новгородская лѣтопись по спискамъ Сив., Акад., Ком. и Толст.; Новгородская лѣтопись по сборнику архивскому; Краткій лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ; Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божиимъ; IV-я Новгородская лѣтопись.

²⁾ Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божиимъ. Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 172—390.

³⁾ *Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 4.

⁴⁾ За первую половину XI столѣтія, во всѣхъ Новгородскихъ лѣтописяхъ находимъ только три извѣстія о церковныхъ событіяхъ, а именно: 6538 (Лѣтопись по Архивскому сборнику, Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божиимъ), 6544 (Краткій лѣтописецъ Новгородскихъ владыкъ), 6553 (I-я Новгородская лѣтопись по спискамъ Сив., Акад., Ком. и Толст.; лѣтопись по Архивскому сборнику, лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божиимъ); при изложеніи событій относящихся ко 2-й половинѣ XI столѣтія, находимъ такихъ извѣстій—12; извѣстій о церковныхъ событіяхъ XII столѣтія оказывается болѣе—110, причѣмъ извѣстій, относящихся къ первой половинѣ XII столѣтія болѣе, чѣмъ вдвое меньше, чѣмъ извѣстій, относящихся ко второй половинѣ того же столѣтія. Такое постепенное и постоянное увеличеніе числа извѣстій, заключающихъ въ себѣ упоминаніе о церковныхъ событіяхъ древнѣйшаго періода исторіи Новгорода, можетъ служить указаніемъ на постепенность утвержденія и распространенія христианства въ Новгородской области.

гать существованіе такихъ лѣтописныхъ записей въ Великомъ Новгородѣ, которыя заключали бы въ себѣ упоминаніе о церковныхъ событіяхъ, происходившихъ въ этомъ городѣ до 989 г. Что касается до извѣстія Іоакимовой лѣтописи о существованіи въ Новгородѣ христіанъ и церкви до 989 г. ¹⁾, то очевидно, послѣдователей христіанскаго ученія было здѣсь немного ²⁾, а потому и происшедшія въ ихъ средѣ событія едва ли могли обратить на себя вниманіе Новгородскаго лѣтописца.

И такъ, разсмотрѣніе извѣстій Новгородскихъ лѣтописей о древнѣйшемъ періодѣ Новгородской церкви убѣждаетъ насъ въ невозможности предполагать существованіе древне-новгородскихъ событій церковнаго характера, которыя могли бы подать поводъ къ возникновенію лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ въ до-христіанскій періодъ его существованія.

Но кромѣ извѣстій о событіяхъ политическихъ и церковныхъ, въ Новгородскихъ лѣтописяхъ мы находимъ упоминаніе о событіяхъ внутреннихъ, гражданскаго характера, а именно — о поставленіи и кончинѣ князей и посадниковъ, о мятежахъ, пожарахъ, о народныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ пожарами, неурожаемъ и повальными болѣзнями, и затѣмъ о небесныхъ знаменіяхъ. Существованіе извѣстій о такихъ событіяхъ въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ могло бы, пожалуй, повести къ предположенію, что начальная, не дошедшая до насъ Новгородская лѣтопись состояла изъ повѣствованія объ этихъ внутреннихъ гражданскихъ событіяхъ. Но за XI вѣкъ такихъ извѣстій въ Новгородскихъ лѣтописяхъ немного, а именно о пожарахъ, о небесныхъ знаменіяхъ, о полноводіи, о поставленіи и кончинѣ князей всего семь ³⁾; о поставленіи же и кончинѣ посадниковъ,

¹⁾ «Нѣкіе шедше церковь Преображенія Господня разметаша, и дома Христіанъ грабляху». *Татищевъ*, Россійская исторія, т. I, стр. 39.

²⁾ Доказательствомъ того, что число христіанъ въ Новгородѣ до 989 года было крайне ограничено, могутъ служить извѣстія о новгородскихъ событіяхъ XI-го столѣтія, напримѣръ, извѣстіе «Повѣсти временныхъ лѣтъ» подъ 6579 (1071) г. о томъ, что когда епископъ Феодоръ сталъ уговаривать Новгородцевъ не вѣрять лживымъ словамъ волхва, то около него стали только князь Глѣбъ и его дружина, всѣ же остальные Новгородцы пристали къ волхву (см. Лѣтопись по списку Лаврентія, 175—176; Лѣтопись по Ипат. списку 127).

³⁾ П. С. Р. Л., т. III, стр. 2, подъ г. 6553, стр. 3, подъ г. 6605; Лѣтопись Новгородскій церквамъ Божиимъ (Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 года)—стр. 185, подъ г. 6586; П. С. Р. Л., т. III, стр. 2, подъ г. 6571, подъ г. 6560

о мятежахъ, о народныхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ неурожаемъ и повальными болѣзнями, нѣтъ и одного извѣстія. И такъ очевидно, что упоминаніе о такихъ событіяхъ не составляетъ главное содержаніе лѣтописныхъ записей XI столѣтія, а слѣдовательно, не могло составлять и главнаго содержанія не дошедшей до насъ Новгородской лѣтописи X вѣка.

Объяснять краткость Новгородскихъ лѣтописей за XI вѣкъ, вмѣстѣ съ г. Костомаровымъ, тѣмъ, „что лѣтописецъ былъ не современникъ, и не списывалъ даже современныхъ повѣстей, не дѣлалъ также своихъ замѣтокъ и по памяти, и составлялъ свою лѣтопись по скуднымъ, разрозненнымъ свѣдѣніямъ“¹⁾—едва ли возможно, въ виду того соотвѣтствія, какое замѣчается между постепеннымъ увеличеніемъ числа извѣстій о различныхъ событіяхъ Новгородской земли XI и XII вв. и постепеннымъ возрастаніемъ политической независимости Великаго Новгорода и развитіемъ новгородскаго народовластія: повѣствованіе о политическихъ, церковныхъ и другихъ внутреннихъ событіяхъ Новгородской земли дѣлается все болѣе и болѣе пространнымъ, по мѣрѣ приближенія къ тому времени, когда „Новгородцы находились на высшей степени своего могущества“²⁾, когда новгородское народовластіе достигло самаго полнаго своего развитія. Допуская связь между политическимъ развитіемъ Новгорода и развитіемъ лѣтописнаго дѣла въ этомъ городѣ, мы получаемъ вполне естественное объясненіе той краткости, которая замѣчается во всѣхъ Новгородскихъ лѣтописяхъ при описаніи событій XI столѣтія³⁾. Если, вмѣстѣ съ г. Костомаровымъ, полагать, что эта краткость лѣтописныхъ записей о событіяхъ XI столѣтія объясняется тѣмъ, что лѣтописецъ былъ не современникъ и не списы-

(о кончинѣ князя Новгородскаго Владиміра), стр. 3, подъ г. 6587 (объ убіеніи князя Новгородскаго Глѣба), стр. 3, подъ г. 6603 (о назначеніи Давида княземъ Новгородскямъ).

¹⁾ Н. И. Костомаровъ, Лекціи по русской исторіи, стр. 60.

²⁾ С. М. Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 58.

³⁾ Изъ таковой связи объясняется и то явленіе новгородскаго лѣтописанія, которое казалось г. Янишу необъяснимымъ, а именно, что «начальныя страницы Новгородской лѣтописи (по списку синодальному) содержатъ въ себѣ, за исключеніемъ довольно подробнаго отрывка подъ 1016-мъ г., которымъ открывается сохранившаяся часть списка, лишь самыя краткія отмѣтки, и только съ 1116 г. разказъ лѣтописца становится обстоятельнѣе» (Янишъ, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 23).

валъ даже современныхъ повѣстей, то возникаетъ два не разрѣшенныхъ, по нашему мнѣнію, вопроса: 1) о какихъ политическихъ или церковныхъ событіяхъ Новгородской земли могли разказывать эти современные описываемыя событіямъ повѣсти? и 2) почему новгородскій лѣтописецъ, который съ такою добросовѣстностью и точностью передаетъ древне-новгородскую лѣтописную запись о борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, оставляетъ безъ вниманія цѣлыя повѣсти, излагающія древнія судьбы Новгорода?

Такимъ образомъ, краткость и малочисленность лѣтописныхъ записей XI столѣтія, которыя велись въ Новгородѣ, естественнѣе и вѣроятнѣе объяснять не тѣмъ обстоятельствомъ, что „составитель Синодальнаго списка безопасно урѣзалъ и исказилъ тотъ древній лѣтописный матеріалъ, которымъ онъ пользовался“¹⁾, а бѣдностью самыхъ событий политическихъ и церковныхъ въ жизни Новгорода въ древнѣйшій періодъ его существованія. Тою же бѣдностью объясняется и та особенность Синодальнаго списка I-й Новгородской лѣтописи²⁾, что до 1116 г. этотъ древнѣйшій списокъ представляетъ соединеніе извѣстій новгородскихъ и неновгородскихъ, при чемъ число послѣднихъ превышаетъ число первыхъ, между тѣмъ какъ „съ 1116 года временникъ становится въ полномъ смыслѣ мѣстнымъ, новгородскимъ“³⁾, такъ что съ 1132 года „уже послѣдовательно записываются разныя политическія новгородскія событія“, а „съ 1137 года, именно послѣ изгнанія Всеволода, повѣствованіе о политическихъ новгородскихъ событіяхъ дѣлается еще пространнѣе“⁴⁾. Такой рѣзкій переходъ отъ описанія событийъ всей Русской земли къ описанію событийъ преимущественно одной Новгородской области, а также перемѣну въ самой формѣ изложенія лѣтописныхъ извѣстій, всего естественнѣе, по нашему мнѣнію, объяснять не тѣмъ предположеніемъ, что начало древнѣйшей лѣтописи относится ко второй четверти XII столѣтія⁵⁾,

¹⁾ Янишъ, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 44.

²⁾ О Синодальномъ спискѣ 1-й Новг. лѣт. считаемъ возможнымъ замѣтить вѣсть съ г. Янишемъ, что онъ—«одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ Русской старины, для событій гражданской исторіи... почти единственный источникъ за періодъ времени, обнимающій слишкомъ три столѣтія, такъ какъ позднѣйшія лѣтописи Новгородскія очевидно черпали изъ нея, а если и восполняли ее добавочными извѣстіями, то преимущественно по дѣламъ церковнымъ» (Янишъ, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 21).

³⁾ Янишъ, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 23.

⁴⁾ Костомаровъ, Лекціи по русской исторіи, стр. 62, 63. •

⁵⁾ Тамъ же, стр. 63.

а перемѣною въ самой жизни южной и сѣверной Руси, а именно политическимъ ослабленіемъ послѣдней, и постепеннымъ возрастаніемъ политическаго могущества Новгорода, который, воспользовавшись борьбою Мономаховичей съ Ольговичами послѣ смерти Мстислава (1132 г.), сталъ все болѣе и болѣе приобрѣтать права выбирать князя по своему желанію и принимать его „на всей воли своей“.

Существованіе подобной связи между развитіемъ лѣтописнаго дѣла въ Великомъ Новгородѣ и развитіемъ его политической независимости дѣлаетъ возможнымъ предположеніе, что начало Новгородской лѣтописи относится къ тому времени, когда Новгородцы впервые проявили стремленіе ограничить свою зависимость отъ Кіевского князя, приобрѣсти себѣ нѣкоторыя права и привилегіи. Мы знаемъ, что Новгородцы, „вѣрные обыкновенію, со временъ Олега утвердившемуся и скрѣпленному распоряженіемъ Ярослава I, постоянно признавали своимъ княземъ старшаго въ родѣ Ярослава, державца Кіевского, ему посылали дань, отъ него принимали намістника или посадника, князя, или простаго боярина“¹⁾. Но всегда ли—спрашивается—Новгородцы оставались вѣрны этому обыкновенію безусловно повиноваться волѣ Кіевского князя? Нѣтъ ли въ древнѣйшей исторіи Великаго Новгорода какихъ-либо указаній на попытки Новгородцевъ воспротивиться волѣ Кіевского князя? Первою такою попыткою уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить политическую зависимость Новгорода отъ Кіевского князя является отказъ Ярослава платить дань своему отцу, Кіевскому князю²⁾. Полагать, что отказъ Ярослава былъ только личнымъ его дѣломъ, по нашему мнѣнію, нельзя: едва ли Ярославъ рѣшился бы нарушить установленный временемъ и силой историческихъ обстоятельствъ обычай, если бы не находилъ, хотя бы въ нѣкоторой части новгородскаго населенія, сочувствія такой своей рѣшимости; если бы Новгородцы были вполне непричастны такой рѣшимости своего князя, то едва ли откликнулись бы на его призывъ идти на Кіевского князя Святополка³⁾, особенно

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Обь отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 96.

²⁾ «Ярославу же сущю Новгородѣ и урокомъ дающе Киеву двѣ тысячи гривенъ отъ года до года... а Ярославъ сего не даеше отцу своему». Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 127.

³⁾ «И се слышавъ Ярославъ заутра събра Новгородцѣ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ и рече к нимъ: Люба моя дружина, юже изъсѣкохъ вчера в безуміи моемъ, не топѣрво ми ихъ золотомъ окупити. И рече имъ: братіе,

послѣ того, какъ Ярославъ умертвилъ многихъ участниковъ въ избіеніи Варяговъ. Какъ извѣстно, результатомъ борьбы Ярослава съ Святополкомъ было бѣгство послѣдняго „в Ляхы“), вокняженіе Ярослава въ Кіевѣ и дарованіе Новгородцамъ льготныхъ грамотъ. Мы можемъ сомнѣваться относительно характера содержанія этихъ грамотъ; но независимо отъ того, будемъ ли мы вмѣстѣ съ Соловьевымъ ²⁾ и г. Бестужевымъ-Рюминимъ ³⁾ считать ихъ финансовыми льготами, или же, подобно Бѣляеву ⁴⁾ и г. Костомарову ⁵⁾, видѣть въ нихъ политическій уставъ, независимо отъ того или другаго представленія о содержаніи этихъ льготныхъ грамотъ, самый фактъ дарованія ихъ Ярославомъ можно признать знаменательнымъ, потому именно, что онъ является слѣдствіемъ перваго дѣятельнаго участія Новгородцевъ въ княжескихъ междоусобіяхъ: впервые они выручаютъ своего князя изъ бѣды, упрочившей ему со стороны Кіева, помогаютъ ему занять великокняжескій Кіевскій столъ и получаютъ отъ него въ награду за помощь льготныя грамоты; очевидно, пріобрѣтеніе ихъ было для Новгородцевъ первымъ шагомъ на пути къ политической самостоятельности и независимости.

Такимъ образомъ, борьба Ярослава съ Святополкомъ была для Новгородцевъ первою княжескою усобицею, которою они воспользовались для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ правъ и привилегій. Это первое вступленіе Новгородцевъ на поприще самостоятельной политической дѣятельности находится, по нашему мнѣнію, въ связи съ другимъ знаменательнымъ событіемъ въ исторіи Новгорода, а именно съ принятіемъ христіанства. Однимъ изъ слѣдствій того благотворнаго вліянія, какое, оказывало на древнихъ Новгородцевъ

отецъ мой Володимиръ умеръ есть, а Святополкъ княжить въ Кіевѣ: хошу нанв поити, потягивте по мнѣ. И рѣща ему Новгородѣцѣ: а мы княже по тобѣ идемъ». Акад. сп. 1-й Новг. лѣт. (Прод. Др. Рос. Вивліоемки, ч. 2, стр. 333—334), то же въ Ком. и Толст. сп.

¹⁾ «в Ляхы», по даннымъ «Повѣсти Временныхъ лѣтъ» (см. Лѣт. по списку Лавр., стр. 139, Лѣт. по Ипат. списку, стр. 100); «въ Печенѣгы»—по даннымъ Новгородской лѣтописи (См. 1-ю Новгородскую лѣтопись по спискамъ Сив. (П. С. Р. Л. т. III, стр. 1), Акад. (Прод. Др. Росс. Вивліоемки, ч. 2-я стр. 335), Ком. и Толст.

²⁾ Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 33.

³⁾ Русская Исторія, стр. 315.

⁴⁾ Разказы изъ русской исторіи, кн. 2, стр. 229.

⁵⁾ Сѣв. народоправства, т. I, стр. 47.

знакомство съ истинами христіанскаго ученія ¹⁾, могло быть пробужденіе въ Новгородцахъ потребности политической независимости и самостоятельности. Но такъ какъ съ введеніемъ христіанства въ Новгородѣ, проникаетъ туда и письменность, то возможно предполагать, что появленіе лѣтописныхъ записей въ Новгородѣ относится къ тому же времени, когда пробуждается въ Новгородцахъ потребность политической независимости и самостоятельности, и является первая попытка удовлетворить этой потребности. Такою знаменательною въ исторіи Новгорода эпохою является первая половина XI столѣтія.

Ни въ одной изъ дошедшихъ до насъ Новгородскихъ и неновгородскихъ лѣтописей мы не находимъ до конца X столѣтія ни одного новгородскаго извѣстія современнаго характера. Первымъ новгородскимъ извѣстіемъ, которое носитъ на себѣ очевидные признаки современности составителя извѣстія съ самымъ событіемъ, является разказъ о принятіи христіанства въ Великомъ Новгородѣ ²⁾. Относительно этого извѣстія было замѣчено еще Срезневскимъ, что „хотя этотъ разказъ (о крещеніи Новгорода) и не можетъ быть почитаемъ по своему изложенію первообразнымъ, тѣмъ не менѣе трудно доказать, что онъ составленъ не по источнику древнему, почти современному съ событіемъ“, и что „записанъ этотъ разказъ въ Новгородѣ..... еще тогда, когда христіанство и сила вліянія пастырей церкви въ Новгородѣ еще не утвердились, и язычество не совершенно пало“ ³⁾. Еще съ большею опредѣленностью относительно современности составителя этого извѣстія описываемому въ немъ событію высказывается г. Бестужевъ-Рюминъ, по мнѣнію котораго „съ крещенія Новгорода начинается рядъ новгородскихъ извѣстій,

¹⁾ «Преставися архіепископъ Акимъ Новгороцкій, и бѣше ученикъ его Еврѣвъ, иже ны учаше».

²⁾ «Въ лѣто 6497 (989). Крестися Володимиръ, и вся земля Руская. И поставиша в Кіевѣ митрополита, а Новгороду архіепископа, а по инымъ градомъ епископы, и попы, и дьяконѣ (дѣяконы-Ком.), и бысь (бысть-Ком.) радость всюду. И приде к Новгороду Акимъ архіепископъ Корсунянинъ, и требища разруши, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ. Поверъзавъше ужн волочаху по калу бьуще жезліемъ, и заповѣда никому жъ нигдѣ же пріати. И се иде пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горницы вести в городъ. И сиде Перунъ приплы к берви и отърину его шестомъ. Ты, рече, перушище, досити еси пилъ и ягъ, а нынѣ плови уже проче, и плы съсвѣта окошное».

³⁾ И. И. Срезневскій, Исслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. Изв. 2-го Отд. Ак. Наукъ, т. 2, стр. 21, 22).

записанныхъ несомнѣнно въ одно время съ самимъ событіемъ; такъ разказъ о крещеніи въ нѣсколькихъ спискахъ Новгород. I ¹⁾ носить всѣ признаки современности: Пидблянинъ везетъ горшки въ городъ, останавливается посмотрѣть на плывущаго Перуна: „ты, Перунище, до сати еси пиль и яль, а нынѣ попллови прочь“. Этого не выдумываютъ: черта до того въ нравахъ простодушной эпохи, что она одна свидѣтельствовала бы за современность извѣстія. Съ тѣхъ поръ записываются въ Новгородѣ поставленіе и смерть епископовъ, строеніе церквей, напримѣръ построеніе церкви св. Софіи Іоакимомъ ²⁾, походы Новгородцевъ. Замѣтки эти ясно указываютъ на современность“ ³⁾.

Совершенное отсутствіе во всѣхъ дошедшихъ до насъ Новгородскихъ лѣтописяхъ такихъ извѣстій, относящихся къ до-христіанскому періоду исторіи Новгорода (до 989 г.), происхождение которыхъ можно было бы объяснять существованіемъ лѣтописныхъ записей, современныхъ описываемымъ въ нихъ событіямъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что вышеуказанный разказъ былъ именно первымъ извѣстіемъ первоначальной Новгородской лѣтописи ⁴⁾.

Данныя первоначальной Кіевской лѣтописи, главнымъ содержаніемъ которой является изложеніе политическихъ событій, могли бы возбудить въ насъ сомнѣніе въ возможности существованія такой лѣтописи, которая начиналась бы съ извѣстія о церковномъ событіи; но данныя Тверской лѣтописи, которая начинается съ извѣстія о заложеніи церкви Спаса въ Твери ⁵⁾, убѣждаютъ насъ въ неосновательности такого сомнѣнія. О началѣ Тверской лѣтописи было замѣчено еще г. Костомаровымъ, что „слѣды ея существованія на-

¹⁾ Акад. (Прод. Др. Росс. Вивліюеки, ч. II, стр. 310—311), Ком. и Толст.

²⁾ Лѣтописецъ Новгородскій церквамъ Божиимъ (Новгородскія лѣтописи изд. 1879 г., стр. 173).

³⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 63.

⁴⁾ Въ пользу подобнаго предположенія говоритъ и тотъ фактъ, что „въ древней Руси церковь вообще стояла въ тѣсной связи съ общимъ ходомъ гражданской жизни и пользовалась въ немъ чрезвычайно важнымъ значеніемъ. Но нигдѣ связь эта не была столь тѣсною, и значеніе церкви столь могущественнымъ, какъ въ Великомъ Новгородѣ“. (*Никитскій*, Очеркъ внутренней исторіи церкви въ Великомъ Новгородѣ, стр. 36).

⁵⁾ Въ лѣто 6793 (1285). Заложиха церковь каменну святого Спаса на Твери благовѣрнымъ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ, и матерію его, благовѣрною великою княгинею Оксиньею Ярославлею Ярославича, и епископомъ Симеономъ Тверскимъ. Тверская лѣтопись (И. С. Р. Л., XV, 406).

чинаются съ извѣстія о zaloженіи Спаса въ Твери. По тогдашнимъ народнымъ понятіямъ признакомъ самобытности этого края была первая главная соборная церковь; тогда же поставленъ былъ епископъ въ Твери. Отсюда идутъ лѣтописныя извѣстія въ послѣдовательной чередѣ¹⁾. Такого же мнѣнія о началѣ Тверской лѣтописи держится и г. Тихоміровъ, который въ своемъ изслѣдованіи „О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью“, замѣчаетъ, что „собственно Тверская лѣтопись начинается съ 6793 (1285) г.“²⁾. Признавая справедливыми вышеприведенныя замѣчанія гг. Костомарова и Тихомірова, считаемъ возможнымъ замѣтить, что начало Тверской лѣтописи во времени совпадаетъ и съ началомъ политическаго роста Тверскаго княжества въ концѣ XIII столѣтія³⁾.

Что Новгородская лѣтопись могла имѣть такое же начало, какъ Тверская, то-есть, начинаться съ извѣстія о церковномъ событіи, въ этомъ убѣждаетъ насъ сходство воззрѣній Тверскаго и Новгородскаго лѣтописцевъ на событія народной жизни и одинаковость ихъ симпатій и антипатій. Это сходство обнаруживается, какъ въ сохраненіи Тверскимъ лѣтописцемъ почти всѣхъ древне-новгородскихъ извѣстій⁴⁾, находящихся въ I-й Новгородской лѣтописи⁵⁾, такъ и въ удержаніи тѣхъ выраженій этой послѣдней, которыя заключаютъ въ себѣ указанія на сочувствіе ея составителя къ прошлымъ судьбамъ

¹⁾ *Н. И. Костомаровъ*. Лекція по русской исторіи, стр. 89.

²⁾ *Тихоміровъ*, О сборникѣ, именуемомъ Тверскою лѣтописью. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1876 г., декабрь, стр. 273.

³⁾ Припомнимъ, что «потомствомъ Ярослава Ярославича (ум. 1272 г.) былъ могущественный домъ князей Тверскихъ». *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская Исторія, стр. 286.

⁴⁾ Подъ древне-новгородскими извѣстіями въ данномъ случаѣ я разумѣю извѣстія, описывающія событія древне-новгородской жизни до второй четверти XIII столѣтія, такъ какъ только древнѣйшая часть Тверской лѣтописи, а именно до 1230 г., была предметомъ моего изученія.

⁵⁾ Такъ напримѣръ, при изложеніи событій XII столѣтія, не смотря на обиліе новгородскихъ извѣстій, имѣющихся въ I-й Новгородской лѣтописи (однихъ извѣстій о внутреннихъ событіяхъ, относящихся къ XII столѣтію, выется въ этой лѣтописи болѣе 200), число извѣстій, пропущенныхъ въ Тверской лѣтописи, но имѣющихся въ I-й Новгородской лѣтописи, крайне ограничено (около 15), между тѣмъ, какъ новгородскихъ извѣстій, пропущенныхъ въ другой позднѣйшей лѣтописи, а именно въ Софійской I-й, за тотъ же промежутокъ времени—около 230.

Новгорода ¹⁾). Объяснять сохранение Тверскимъ лѣтописцемъ выражений, свойственныхъ древне-новгородской лѣтописи, безсознательнымъ отношеніемъ его къ употребленному имъ лѣтописному матеріалу, едва ли возможно въ виду того, что Тверской лѣтописецъ, списывая древне-новгородскую лѣтопись, проявляетъ (какъ въ этомъ мы убѣждаемся при дословномъ сличеніи данныхъ Тверской лѣтописи съ данными I-й Новгородской) не только точность и добросовѣстность въ сохраненіи какъ цѣлыхъ извѣстій ²⁾, такъ и отдѣль-

¹⁾ Примѣрами сохраненія Тверскимъ лѣтописцемъ такихъ выражений, составляющихъ исключительную принадлежность I-й Новгородской лѣтописи, могутъ служить извѣстія, находящіяся въ Тверской лѣтописи подъ гг. 6636 („и тако, по грѣхомъ нашимъ, погыбе земля наша“ — П. С. Р. Л., XV, 195), 6657 („но Суздалкей болви (паде), бес числа“, тамъ же, стр. 214), 6664 („но не хоти Богъ, по нашимъ грѣхомъ, дати намъ гробъ его (владыки Нисонта) на утѣшеніе“, тамъ же, стр. 224), 6666 („Въ то же лѣто, по грѣхомъ по нашимъ, моръ бысть многъ въ Новѣгородѣ“, тамъ же, стр. 226), 6669 („еще же, за грѣхы наша, не то зло (оставися), но и зима баше тепла и дождь съ громомъ“, тамъ же, стр. 234), 6672 („и побѣдиша (Новгородци) ихъ (Свѣа) Божією помощію“, тамъ же, стр. 236), 6677 („и пособи Богъ Новгородцевъ, и паде Суздалцевъ 1000 и 300, а Новгородцевъ 15 мужъ“, тамъ же, стр. 240), 6678 („и пособи Богъ Новгородцевъ, убиша отъ полка великого князя Андрея 800 мужъ“, тамъ же, стр. 244); „Симъ бо образомъ молится святая Богородица Сыну своему и Богу нашему за градъ нашъ. Молитвами святыхъ Богородица пусти Господь гнѣвъ свой на вся полки Русскія“, тамъ же, стр. 246; „и къ вечеру побѣди а Романъ Мьстиславичъ, но дѣтескъ баше, съ Новгородци, силою крестною и святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыки Иліи, мѣсяца февраля 25... Новъ же городъ избавленъ бысть молитвами пресвятыа Богородица... еа же молитвами Христе Боже нашъ и насъ грѣшныхъ избави отъ всякоа печали“, тамъ же, стр. 247), 6702 („и не ту ся зло устави, за грѣхы наши и на другой день загорѣвъ въ Чеуловъ ульѣ“, тамъ же, стр. 283), 6712 („Того же лѣта, по грѣхомъ по нашимъ, измроша кони въ Новѣгородѣ“, тамъ же, стр. 301), 6723 („и по грѣхомъ нашимъ обади Федоръ Лазутиничъ и Иворъ Новоторжець Якуна тысячьскаго Намивъжича“, стр. 315), 6724 („и тако, по грѣхомъ нашимъ, разыдеся волость наша вся и городъ нашъ по чюжамъ землямъ“, тамъ же, стр. 316; „и пособи Богъ Яруну, изби сторожи Ярославля“, тамъ же, стр. 319; „и тако Божією помощію и святыхъ Софіа одолѣ. Мьстиславъ, побѣди Ярослава и братію его“, тамъ же, стр. 322).

²⁾ Отлагая до будущаго времени подробное разсмотрѣніе позднѣйшихъ лѣтописей, какъ источника для исторіи древняго Новгорода, считаемъ возможнымъ пока замѣтить, что сравнительное изученіе данныхъ позднѣйшихъ лѣтописей (Тв., Ник., Воскр., Соф. I-й и позднѣйшихъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи), заключающихъ въ себѣ болѣе или менѣе значительное количество новгородскихъ

ныхъ выраженій и реченій древне-новгородской лѣтописи ¹⁾, но и сознательное отношеніе къ своему источнику. Оно обнаруживается въ постоянной заботѣ Тверскаго лѣтописца о болѣе точномъ обозначеніи мѣста и времени совершенія древне-новгородскихъ событій, а также званія, отчества и происхожденія лицъ, участвовавшихъ въ этихъ событіяхъ; кромѣ того, на сознательность Тверскаго лѣтописца указываетъ та постоянная замѣна древнихъ формъ формами болѣе новыми, однихъ словъ и выраженій другими, синонимическими.

Признавая сходство воззрѣній и симпатій двухъ упомянутыхъ лѣтописцевъ, мы можемъ съ достаточною вѣроятностью полагать, что первоначальная Новгородская лѣтопись, подобно первоначальной Тверской, начиналась извѣстіемъ о церковномъ событіи. Такимъ событіемъ и было крещеніе Новгорода.

Но если первоначальная Новгородская лѣтопись начиналась съ извѣстія о крещеніи Новгорода, то мы въ правѣ ожидать, что и всѣ древнѣйшія и позднѣйшія лѣтописи, въ составъ которыхъ входятъ одни новгородскія извѣстія, начинались съ извѣстія о крещеніи Новгорода. И дѣйствительно, три изъ нихъ, а именно: „Лѣтопись по сборнику Архивскому“ ²⁾, „Краткій лѣтописецъ Новгородскихъ

извѣстій, приводитъ къ тому заключенію, что изъ всѣхъ позднѣйшихъ лѣтописей Тверская лѣтопись отличается наибольшою полнотою и точностью въ сохраненіи древне-новгородскихъ лѣтописныхъ извѣстій.

¹⁾ Примеромъ точности сохраненія древне-новгородскихъ реченій можетъ служить извѣстіе, имѣющееся въ Тверской и Новгородской 1-й лѣтописяхъ подъ г. 6708. Въ 1-й Новгородской лѣтописи подъ этимъ 6708 г. приводится извѣстіе о походѣ новгородскаго посадника Няздиль на Луки; упоминая объ этомъ походѣ Няздиль, Новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ, что этотъ посадникъ „иде съ Лукъ съ маломъ дружины въ Лотыголу на торонѣ“ (П. С. Р. Л., III, 25). Позднѣйшіе списатели древне-новгородской лѣтописи, а именно составители Анад., Ком. и Толст. списковъ 1-й Новг. лѣт., вѣсто древне-русскаго реченія „на тороне“, которое, по объясненію Карамзина (Исторія Гос. Рос., т. III, прим. 116), означаетъ „набѣгомъ“, употребили „на сторонѣ“ (Пр. Др. Вивлюэяки, ч. II, 433) или вслѣдствіе непониманія испорченнаго текста древне-новгородской лѣтописи, или же вслѣдствіе невѣрнаго пониманія значенія древне-русскаго реченія „на тороне“, между тѣмъ, какъ Тверской лѣтописецъ сохраняетъ безъ всякаго измѣненія реченіе „на торонѣ“ (П. С. Р. Л., т. XV, 291).

²⁾ Новгородскія лѣтописи, изд. 1879, стр. 1—122. Относительно „Лѣтописи по сборнику Архивскому“ замѣтимъ, что въ этой лѣтописи извѣстіе о крещеніи Новгорода является 2-мъ, начало этой лѣтописи составляетъ извѣстіе о кометѣ (подъ г. 6419); но такъ какъ это извѣстіе о кометѣ могло быть взято позднѣйшимъ списателемъ древне-новгородской лѣтописи изъ Кіевской лѣтописи (см.

владыкъ“ ¹⁾ и „Лѣтописецъ новгородскій церквамъ Божиимъ“ ²⁾, начинаются такимъ извѣстіемъ.

И такъ, признавая возможнымъ по дошедшимъ до насъ Новгородскимъ лѣтописямъ судить и о тѣхъ Новгородскихъ же лѣтописяхъ, которыя сдѣлались жертвою всеразрушающаго времени, мы можемъ полагать, что началомъ всѣхъ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ лѣтописей новгородскаго происхожденія было также извѣстіе о крещеніи Новгорода.

Кромѣ трехъ вышеприведенныхъ Новгородскихъ лѣтописей, указаніе на первоначальный составъ древнѣйшей лѣтописи Новгородской заключаютъ въ себѣ и позднѣйшіе списки I-й Новгородской лѣтописи, а именно, Акад., Ком. и Толст. Во всѣхъ этихъ спискахъ мы находимъ перечни южнорусскихъ и Новгородскихъ князей, а также Новгородскихъ епископовъ и посадниковъ³⁾; „перечни эти, по крайней мѣрѣ, роспись Новгородскихъ князей и роспись Новгородскихъ посадниковъ“, по справедливому замѣчанію г. Яниша ⁴⁾, — „имѣютъ какую-то ближайшую связь съ нынѣ утраченною Новгородскою хроникой, бывшею въ рукахъ у составителя лѣтописи по академическому и родственнымъ спискамъ: фактическія отмѣтки и имена въ росписяхъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, извлечены имъ изъ этой хроники“. Соглашаясь вполне съ мнѣніемъ г. Яниша, что у составителей вышеупомянутыхъ перечней была подъ руками какая-то древне-Новгородская лѣтопись, полагаемъ, что эта нынѣ утраченная лѣтопись началась также извѣстіемъ о крещеніи Новгорода; полагаемъ такъ потому, что всѣ вышеупомянутые перечни⁵⁾ начинаются съ обозначенія

Лѣтопись по списку Лаврентія, стр. 32, Лѣтопись по Ипатскому списку, стр. 19) или же изъ греческой и болгарской лѣтописи (*Соловьевъ*, *Исторія Россіи*, т. III стр. 123, изд. 1870 г.), то возможно полагать, что первымъ извѣстіемъ, взятымъ изъ древне-новгородской лѣтописи, было все же извѣстіе о крещеніи Новгорода.

¹⁾ Тамъ же, стр. 130—171.

²⁾ Тамъ же, стр. 172—390.

³⁾ Акад. сп. 1-й Новгородской лѣтописи въ *Прод. Др. Росс. Вивліюнки*, ч. II, стр. 311—318; то же въ *Ком. и Толст. спискахъ*.

⁴⁾ Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 41.

⁵⁾ Относительно перечня посадниковъ считаю нужнымъ замѣтить, что хотя этотъ перечень и начинается именемъ сказочнаго посадника Гостомысла, но въ этомъ перечнѣ «замѣчается скачокъ отъ сказочнаго Гостомысла къ Константину (Добрыничу), современнику Ярослава Мудраго» (*Янишъ*, *Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки*, стр. 42); такое умолчаніе о посадникѣ Добрынѣ и другихъ новгородскихъ посадникахъ до-христіанскаго періода новгородской жизни

нія лицъ, жившихъ въ христіанскій періодъ історіи Новгородѣ. Умалчаніе во всѣхъ трехъ перечняхъ о князьяхъ и посадникахъ, которые жили до Владиміра Святаго, всего естественнѣе и вѣроятнѣе, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что въ той древней Новгородской лѣтописи, которою пользовались составители перечней Новгородскихъ князей и посадниковъ, не было упоминанія о событіяхъ новгородской жизни до христіанскаго періода, то-есть, другими словами, что первымъ извѣстіемъ этой древне-новгородской лѣтописи было извѣстіе о крещеніи Новгородѣ.

Полагая, что составители трехъ упомянутыхъ перечней пользовались древне-Новгородскою лѣтописью, начинавшеюся съ описанія событій конца X столѣтія (съ 989 г.), мы получаемъ возможность объяснить ту особенность дошедшаго до насъ Новгородскаго лѣтописнаго свода, что только въ этомъ сводѣ (по спискамъ Ком., Акад. и Толст.) перечень князей и посадниковъ помѣщенъ не въ началѣ, какъ въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ, напимѣръ, въ Тверской, Воскресенской и Никоновской лѣтописяхъ, а послѣ извѣстія о крещеніи Новгородѣ. Если полагать, что у составителей упомянутыхъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи была подъ руками Новгородская лѣтопись, въ которой упоминались событія, происходившія въ Новгородѣ въ до-христіанскій періодъ, то чѣмъ объяснить въ такомъ случаѣ какъ неполноту въ содержаніи этихъ перечней, умалчивающихъ о князьяхъ и посадникахъ, жившихъ до Владиміра Святаго, такъ и помѣщеніе этихъ перечней послѣ цѣлаго ряда извѣстій, излагающихъ событія болѣе, чѣмъ за 100 лѣтъ.

Но, принимая „въ соображеніе, что въ обрывкахъ, и преимущественно безъ начальныхъ годовъ, дошло до насъ немало и другихъ Новгородскихъ временниковъ“¹⁾, а именно, кромѣ „Синодальнаго и Академическаго II списковъ Новгородскихъ лѣтописей, безъ начальныхъ годовъ и съ разными урѣзками и искаженіями, дошли до насъ еще и другіе списки того же разряда: Толстовскій XX²⁾, у котораго недостаетъ также конца, и Академическій I, отличающійся тѣмъ, что недостающіе листы замѣнены въ немъ баснословною повѣстью

указываетъ на то, что у составителя этого перечня новгородскихъ посадниковъ была подъ руками такая Новгородская лѣтопись, которая начиналась съ изложенія новгородскихъ событій христіанскаго періода.

¹⁾ *Янишъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 22.

²⁾ См. предисловіе къ Новгородской 4-й лѣтописи въ П. С. Р. Л., т. IV, стр. VII.

о началѣ Новгорода, сочиненною въ XVII вѣкѣ¹⁾..... сюда же слѣдуетъ отнести отрывокъ Новгородской лѣтописи²⁾..... обнимающій годы 7018—7077 (1510—1569)³⁾,—принимая въ соображеніе подобную потерю начала нѣкоторыхъ лѣтописей новгородскаго происхожденія, возможно предполагать, что у составителей трехъ упомянутыхъ списковъ I-й Новгородской лѣтописи была подъ руками лѣтопись, у которой отсутствовало начало до 989 г. Если допускать, что составители Ком. и Авад. I-й Новгородской лѣтописи, а также Лѣтописи по Архивскому списку, Краткаго лѣтописца Новгородскихъ владыкъ и Лѣтописца Новгородскаго церквамъ Божиимъ дѣйствительно пользовались такими Новгородскими лѣтописями, у которыхъ было потеряно начало,—то чѣмъ объяснить такую одинаковую потерю начальныхъ листовъ нѣсколькихъ Новгородскихъ лѣтописей древнѣйшаго происхожденія? Объяснять ее случайностью не возможно, такъ какъ не возможно ни допустить, чтобъ у нѣсколькихъ древне-новгородскихъ лѣтописей случайнымъ образомъ потерялось по одинаковому числу листовъ, особенно, если принять во вниманіе, что въ Новгородскихъ лѣтописяхъ, дошедшихъ до насъ безъ начала, число потерянныхъ начальныхъ листовъ весьма различно; такъ напримѣръ, въ Ком. списокѣ I-й Новгородской лѣтописи недостаетъ перваго листа, въ Академическомъ I-мъ Новгородской IV-й лѣтописи⁴⁾—первыхъ шести, въ Синодальномъ списокѣ I-й Новгородской лѣтописи—первыхъ пятнадцати тетрадей⁵⁾. Объяснять вмѣстѣ съ Бѣляевымъ⁶⁾ и Янишемъ⁷⁾ потерю начальныхъ листовъ древне-Новгородской лѣтописи Московскимъ вліяніемъ едва ли возможно въ виду сохраненія той части древне-новгородской лѣтописи, которая заключаетъ въ себѣ указаніе на высшее развитіе новгородской самобытности (въ концѣ XII столѣтія и началѣ XIII), уничтоженіе всѣхъ слѣдовъ которой было завѣтною цѣлью московской политики. Невозможность подобнаго объясненія становится еще очевиднѣе, если припомнимъ, что

¹⁾ Тамъ же, стр. V.

²⁾ Новгородскія лѣтописи, изд. 1879 г., стр. 123—129.

³⁾ *Янишъ*, Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 44.

⁴⁾ См. предисловіе къ Новгородской IV-й лѣтописи въ П. С. Р. Л., т. IV стр. V.

⁵⁾ См. предисловіе къ I-й Новгородской лѣтописи въ П. С. Р. Л., т. III, стр. V.

⁶⁾ О Несторовой лѣтописи (*Чтенія Московскаго Историческаго общества*, 1847 г. № 5), стр. 10.

⁷⁾ Новгородская лѣтопись и ея московскія передѣлки, стр. 46—48.

до второй четверти XII столѣтія Новгородцы добровольно признавали свою зависимость отъ Кіевскаго князя, такъ что въ древне-Новгородской лѣтописи X столѣтія не могло быть никакихъ указаній на развитіе новгородской самобытности. Такимъ образомъ, нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Яниша, „что обезглавленіе и искаженіе новгородскихъ лѣтописей могло быть точно также дѣломъ московской политики“¹⁾, и что цѣлью такого искаженія было „поразить на смерть историческія воспоминанія“ о прошлыхъ судьбахъ Новгорода.

И такъ, первымъ событіемъ, отмѣченнымъ въ начальной Новгородской лѣтописи, было крещеніе Новгорода; но возникаетъ вопросъ: когда упоминаніе объ этомъ событіи было впервые занесено въ древне-Новгородскую лѣтопись? Полагая вмѣстѣ съ Срезневскимъ²⁾ и Бестужевымъ-Рюминимъ³⁾, что извѣстіе это носить на себѣ всѣ признаки современности, мы можемъ относить составленіе этой лѣтописной записи къ концу X вѣка или къ началу XI.

Отсутствіе данныхъ въ Новгородскихъ лѣтописяхъ; заключающихъ въ себѣ опредѣленныя указанія на время возникновенія лѣтописныхъ записей въ Великомъ Новгородѣ, дѣлаетъ для насъ невозможнымъ точное опредѣленіе времени возникновенія этихъ записей и заставляетъ насъ, подобно Погодину⁴⁾, ограничиться предположеніемъ, что „можетъ быть, тотъ началъ ихъ вести, который по извѣстію, сохранившемуся въ Никоновской лѣтописи, подъ г. 1030 написалъ: преставися Новгородской епископъ Акимъ, и бяше ученикъ его Ефремъ, „иже ны учаше“. Такимъ образомъ, начало лѣтописныхъ записей, которыя велись въ Великомъ Новгородѣ, возможно съ достаточною вѣроятностью отнести къ первой половинѣ XI столѣтія, при чемъ первую лѣтописную запись новгородскаго происхожденія должно признать извѣстіе о крещеніи Новгорода.

I. Сениговъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 48.

²⁾ Исслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ. *Изв. Академіи Наукъ по 2-му отд.*, т. II, стр. 21—22.

³⁾ О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 63.

⁴⁾ Новгородскія лѣтописи. *Изв. Академіи Наукъ по 2-му отд.*, т. VI, стр. 231.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

891.7

Se57

Senigov

O pervonachal'noj listopisi Velikago Novgoroda.

891.7

Se 57

